

МЕРТВЫЙ ОСЕЛЬ
И
ОБЕЗГЛАВЛЕННАЯ ЖЕНЩИНА.

— * * * —
Часть 2

МОСКВА.
Въ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1834.

Мертвый Веель

и

ОБЕЗГЛАВЛЕННАЯ ЖЕНЩИНА.

МОСКВА

с. ун. лугполя.

1831.

МЕРТВЫЙ ОСЕЛЬ
И
ОБЕЗГЛАВЛЕННАЯ ЖЕНЩИНА.

— *Hou pou, you secret, black and midnight
hags? what is' t you do?*

— *A deed without name.*

(МАСВЕТН.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по оппечашаніи пред-
ставлены были въ Ценсурный Коми-
шешъ три экземпляра. Февраля 13 го дня
1831 года.

*Ценсоръ, Заслуженный Профессоръ,
Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Левъ Цветаевъ.*

М О С К В А.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1 8 3 1.

МЕРТВЫЙ ОСЕЛЬ
и
ОБЕЗГЛАВЛЕНАЯ ЖЕНЩИНА.

Г л а в а 1.

К о л ъ.

*Les paillards Turcs m'avaient mis en broche.
(Rebelais. Pantagruel.)*

Приключеніе повѣщеннаго, не выходило изъ головы моей шѣмъ болѣе, что во Франціи, Англии, и даже въ Швейцаріи, благородной и славной частицѣ шой экспериментальной Германіи, умозрительные труды копорой разлились повсюду, возникла новая школа публици-

сповѣ, и первой спашьей ихъ уложенія, было уничтоженіе смершной казни. Это предложеніе, нашло многихъ прошивниковъ, что всегда будешъ между народами, просвѣщеніе и ученость кошорыхъ даюшъ имъ возможность играшъ парадоксами. . Увлечшись не вольно въ споры о томъ же предметѣ, я былъ очень доволенъ тѣмъ, что говорилъ съ повѣшеннымъ, слышалъ его ощущенія смерти, и могъ разсказать похождения выходца изъ того свѣта, недовольсшвуясь и не полнымъ и не яснымъ разсказомъ спрадальца, идущаго на смершную казнь. Мнѣ казалось, что я

нашелъ не опровергаемое доказательство въ пользу закона о наказаніяхъ, отвергаемаго нашими мудрецами, и ждалъ только случая, чшобъ вполне развить его.

Случай представился скоро. Я поѣхалъ въ деревню. Была осень. Вечеръ скучный, унылый загналъ все общество въ холодную, обширную залу. Общество было многочисленное, но люди его составлявшіе, не были одушевлены шѣмъ дѣятельнымъ участіемъ другъ въ другъ, которое сближаетъ людей, и отгоняетъ отъ нихъ скуку. Посрединѣ залы сидѣ-

ли дамы, и прошивъ своего обыкновенія, молча занимались работою. Мужчины, изрѣдко обращали другъ къ другу нѣсколько пуспыхъ словъ, — и вечеръ ушомилъ бы все общество, еслибъ великій вопросъ о смертной казни, не разшевелилъ спраши. И все оживилось, — каждый имѣлъ въ запасѣ гошовья доказательсшва, каждый не дожидаясь очереди, говорилъ и кричалъ сколько доспавало силъ. Я, какъ человекъ ловкій, выждалъ минушу когда ушихли споры и крики, и рассказалъ похождение повѣшенанаго.

Моя исторія не произвела большаго впечатлѣнія на слушателей, и точно, надобно было слышать ее отъ самаго бандита, чтобъ повѣришь ей; разказанная мною, она казалась невѣроятною сказкою. Споры возобновились, прошивники мои шоржеспвовали, и никто уже не рѣшался брать мою спорону, какъ вдругъ появился на мою помощь новый защитникъ: то былъ почтенный Мусульманинъ. Онъ поднялся съ софы, на кошорой небрежно сидѣлъ, и сказалъ спорщикамъ. „Что касается до меня, — я ни мало не сомнѣваюсь, что Ишальянецъ

быль повѣшенъ , — попому
что я самъ былъ посаженъ
на колъ.

Послѣ эѣхъ словъ все
умолкло ; мужчины подспу-
пили къ Мусульманину , да-
мы оставили свою работу ,
и устремили на него свое
вниманіе. Замѣчали ли вы ,
когда женщины слушающъ
что нибудь для нихъ зани-
мательное ? не изумляла ли
тогда васъ ихъ физіогномія ,
такъ быспро оживляющаяся ,
ихъ неподвижно устремлен-
ные взоры , сдержанное дыха-
ніе , прекрасныя шейки , вышянув-
шіяся во всю свою длину ,
и двѣ руки , небрежно покою-
щіяся на оставленной работѣ ;

и вопшь чпо восхищало меня одного, въ ожиданіи разсказа Турка.

— Благословенъ да будетъ Пророкъ! Одинъ разъ въ жизни моей случилось мнѣ проникнуть въ Сераль Его Высочества. —

Тутъ общее вниманіе возбудилось еще сильнѣе; я замѣшилъ, что одна дѣвушка лѣтъ пятнадцати, сидѣвшая подлѣ своей матери, схватила свою работу, . . . какъ будто готовясь продолжашь ее, . . . Кпо заняшъ работою, потъ какъ будто не слышитъ разговоровъ.

— Имя мое Гассанъ, продолжалъ Турокъ, — отецъ мой

былъ богашъ , и я шакже. Какъ Правовѣрный , я знавалъ шолько одну спрасшъ — спрасшъ къ женщинамъ ; но чѣмъ спрасшнѣе я былъ , шѣмъ причудливѣе въ моихъ требованіяхъ. Нигдѣ не находилъ я женщины , какой мнѣ хошѣлось. Ежедневно показывали мнѣ новыхъ невольницъ , шо черныхъ , какъ черное дерево , шо бѣлыхъ , какъ слошовая косшъ , — я уходилъ съ базару съ новою досадою , и наконецъ , желаніе мое опыскашъ красавицу возросло до шого , что я рѣшилсѣ осмотрѣшъ Сераль Повелишеля Правовѣрныхъ.

Такъ какъ я и въ помышленіи не имѣлъ скрыватьсь, то и перебрался черезъ ограду Его Высочества пресвободно, не думая ни о Янычарахъ, ни о нѣмыхъ, и меня никто не примѣшилъ. Я благополучно проникнулъ сквозь тройную неприспунную ограду Серая, . . . наступилъ день, и я усстремилъ вѣроломные взоры въ недосягаемое свяпилище; но, какъ изумился я, увидя, что жены преемника Мухамедова — точно такія же, какъ и всѣ женщины! Мое разочарованное воображеніе, не постигало такой печальной существенности; я начиналъ

досадовать на себя, какъ вдругъ спражи увидѣли меня и схватили.

Смертная казнь имъ, если дѣло пушишь въ огласку, — смертная казнь, и несчастнымъ женщинамъ, которыхъ я разсматривалъ; рѣшили, не доводишь до свѣдѣнія Его Высочества это оскверненіе его Гарема; вывели меня пихонько изъ за ужасной ограды, и присудили просто за просто, посадишь на колъ.

Можетъ бышь вы не знаеше, господа, что такое колъ? Это инструменшь, похожій на шъ громоотводныя стрѣлы, изобрѣшенныя

вами, господами Европейцами, какъ будшо для того, чшобъ ежеминушно дразнить судьбу. На эшошь коль надобно мнѣ было съспшь верхомъ, а для сохраненія равновѣсія, подвязали мнѣ, къ обѣимъ ногамъ, по чугунному ядру. Первая боль была ужасна; желѣзо медлѣнно проходило въ мое шѣло, и мнѣ не видашь бы къ полдню солнца на мечешяхъ Конспаншинопольскихъ, еслибъ ядры не опорвались опъ ногъ моихъ; они съ громомъ упали, и мои мученія сдѣлались сносноше; я спалъ надѣясь чшо еще останусь въ живыхъ. Море у Конспаншинополя без-

подобно : оно простиралось , какъ обширная бѣлая равнина , усѣянная зеленѣющими островами , между которыхъ бороздились Европейскіе корабли . Я постигнуль съ высоты , на которой былъ , что Констаншинополь есть Царьградъ , и я былъ выше его : блестящія мечети , палаты Римскія , благоухающіе сады , обширныя кладбища , тихое убѣжище любитель мѣду , — все было у ногъ моихъ , и я въ избыскѣ признашельности , воззвалъ къ Богу Правовѣрныхъ . Молитва моя , безъ сомнѣнія была услышана , потому что Христіанскій священникъ , подвергая опасно-

спи собственную жизнь свою, спась меня, унесь въ свой домикъ, и выльчишь. Едва почувшвовавъ облегченіе, я возвратился въ мои чертоги: рабы вспрѣшили и просперлись у ногъ моихъ. . На другой же день я купилъ женщинъ, какія попались, и закурилъ мою длинную пенковую прубку. . Когда же приходили мнѣ на мысли нѣмые Его Высочесшва, и ихъ ремесло, я говорилъ въ слезахъ, что не надобно слишкомъ мудришь, покупая женщинъ, — что Богъ есть Богъ, — Мужамедь Его Пророкъ, а Исшамбуль, перль Восшока.

Такъ говорилъ Турокъ ;
эпошь продолжишельный
разказъ упомяль его ; онъ
небрежно прилежь къ подуш-
камъ дивана, и приняль рос-
кошное положеніе правовърна-
го, наслаждающагося въ часъ
полудня куреніемъ кальяна.
Еслибъ я былъ живописецъ, я
срисовалъ бы его : испинное
изображеніе блаженства ! По
моему, никто лучше не изоб-
ражаетъ спокойствія, какъ бо-
гатый Мусульманинь, лежа-
щій на Персидскомъ коврѣ,
безъ заботъ, безъ помышле-
ній, безъ мечпаній, — погру-
заясь въ эпошь блаженный
воспочный сонъ, копорый
не принуждаетъ даже васъ

смыкашь глаза , какъ будто и по слишкомъ тяжело для смершнаго !

Я замѣшилъ не одинъ разъ, что занимательное произшествіе , просто рассказанное , удивительно какъ оживляетъ умы, сближаетъ ихъ, и часто, превращаетъ самый скучный вечеръ, въ наипрѣятнѣйшій. Я невольно вспоминаю тѣ веселые ужины Г-жи Меншенонъ , на кошорыхъ , вмѣсто жаренаго, угощали какою нибудь прѣятною повѣстью. . . И съ людьми по же. Послѣ опривисшаго рассказа Мусульманина , общесство какъ будто переродилось , разговоръ сдѣлался искреннѣе , и

сама хозяйка, забывъ экономию, запрещающую ей топить каминъ, прежде нежели календарь положительно объявишь, что шакого-то числа спанешъ зима, заговорила, что нехудо бы развести огонекъ. . . Всѣ обрадовались ея предложенію: въ минушу оподвинули опъ камина экранъ, запылали дрова, и освѣшили веселыя, оживленныя легкою шеплопою лица; удовольствіе было общее. Право, можно сочинишь описательную поэму о первомъ огонькѣ, запылавшемъ въ каминѣ съ начала осени . . . объ эшомъ вѣсшникѣ зимы, и всѣхъ ея удовольствій.

Между шѣмъ огонь разгорался, яркое пламя разливалось, и освѣщило прямо, молодого человека, который еще не говорилъ. Онъ сидѣлъ въ углу, и во время разговоровъ изрѣдка улыбался; въ этой улыбкѣ было замѣтно и добродушіе и насмѣшливость. Онъ былъ очень хорошъ собою, имѣлъ черные пламенные глаза, и всѣ приемы умнаго, свѣскаго человека, считающаго себя не лучше и не хуже никого. Замѣшивъ общее вниманіе къ себѣ, онъ понялъ, что и ему надобно сказать что нибудь. Неожидая дальнѣйшихъ требованій, онъ окинулъ глазами все об-

щество, прислонился къ кресламъ, на которыхъ сидѣла впереди его молодая женщина, и наклонивъ свою голову вровень съ ея хорошенькимъ, свѣженькимъ личикомъ началъ рассказывать такимъ пріятнымъ, чистымъ голосомъ, что издали можно было обмануться, и подумать, что говоришь не онъ, а дама, подлѣ кошорой виднѣлась его голова.

— Я очень опасаюсь, милоспивыя государыни, сказалъ молодой человекъ... Это неожиданное отступленіе отъ общепринятаго правила, кошорое требуетъ, чтобъ говорящій публично, обращал-

ся къ мужчинамъ и начиналъ съ *милостивыхъ* государей, эшо неожиданное вступленіе показалось пріятною новизною, и дамы были очень довольны. . И точно , посредствомъ этой искусной шакшики, молодой человекъ, какъ будто ошдѣлился ошъ общества прочихъ мужчинъ, и бесѣдовалъ съ женщинами одинъ одиныхонекъ. . . . Всеобщій говоръ одобренія, ошпановилъ его, и онъ долженъ былъ начать свой рассказъ съ изнова, но какъ человекъ умный, онъ его началъ иначе, и уже не шакъ шоржешественно.

Что касается до меня, началъ онъ, я только по-

нуль, но обстоятельство моей смерти довольно необыкновенны. Можешь быть, кому нибудь из общества знакомъ восхищительный, единственный видъ, который открываешь выходя из Лиона. Происшествіе случилось со мною лѣтомъ, въ одинъ изъ шѣхъ дней, когда небо совершенно сине, и воздухъ теплый и чистъ: Я съ наслажденіемъ лежалъ на берегу рѣки, или лучше, у того мѣста, гдѣ Саона соединяется съ Роною. Былъ полдень. Жаръ былъ несносный, вода прозрачна, грошъ поросшій мохомъ, подъ которымъ я сидѣлъ, казалось еще гордился

шѣмъ, что цѣлую ночь укрываль бродягу Жанъ - Жака, — около, него разшилались горячіе пары; я самъ и неспалъ, и небодрспвоваль, я былъ въ блаженномъ соспояніи чело-вѣка, упившагося опіумомъ, смошрѣдъ не сводя глазъ съ водянаго просшрансшва, и мнѣ предспавилось, въ глуби-нѣ рѣки какое-то фаншасши-ческое изображеніе. . . Пре-лесшная, идеальная женщина съ восхишительною улыбкаю просширала ко мнѣ объяшія. . . Видѣніе роскошно колебалось въ зеркалѣ водъ, . . я былъ не-двжимъ, очарованъ, испол-ненъ невыразимой спрасши, . . . и бросился въ рѣку . . . и ни

свѣжестъ воды, ни непреодо-
лимая сила овладѣвшая мною,
ни внезапное сокрышіе моей
очаровашельницы — ничто
не могло извлечь меня изъ
поэшическаго изспупленія. Я
плаваль посреди двухъ рѣкъ,
копорыя вырывали меня другъ
у друга, и не думаль ни о
какой опасности. Я охотно
опдавался ихъ спремленію,
и роскошно качался, по въ
объяшіяхъ Саонны, по выр-
ванный опъ нее Роною, несся
съеябысприною; или очушив-
шись при сляніи двухъ могу-
чихъ соперницъ, увлекаемый
одною, удерживаемый другою,
я оспавался недвижимъ, и
мое видѣніе, со всѣми преле-

спями опять являлось передо мною ; одинъ разъ, она была такъ близко отъ меня, что я бросился къ ней , и хотѣлъ обнять ее — и что сдѣлалось со мною послѣ этого , какое блаженство спало моимъ удѣломъ , какую невыразимую награду опредѣлили мнѣ — не знаю , ничего не знаю ! Но только черезъ день я очнулся , и нашелъ себя въ крестьянской жишницѣ — наступала ночь ; волю , съ унылымъ ревомъ возвращались въ свои сшойла . . . Голову мою , поддерживалъ одинъ изъ пѣхъ видныхъ и сильныхъ гребцовъ , кошорыхъ еще такъ много въ Кондріе ; во всѣхъ

другихъ мѣсцахъ эши смѣ-
 лые пловцы преврапились
 въ скромныхъ, оспорожныхъ
 купцовъ, и не сохранили въ
 жилахъ своихъ ни одной кап-
 ли опцевской крови. Вошь
 моя смершь: эшо, какъ вы ви-
 дише, былъ очаровашельный
 сонъ; я совершенно согласенъ
 съ Ишальянцемъ и Опшоман-
 номъ; моя смершь, смершная
 казнь въ Ишали, деспоти-
 ческая смершь на Восшокъ,
 добровольная смершь на За-
 падъ, не имѣюшь ничего
 спрашнаго. Съ шого дня я
 держусь мнѣнїя шого Фило-
 софа, кошорый думаль, что
 жишь и умерешь одно и шо-
 же; и шакъ какъ я уже спаль,

шо жалюю полько о помъ ,
за чѣмъ я проснулся.

Такъ говорилъ молодой человекъ ; замѣшивъ при концѣ своего разсказа , что общее вниманіе еще продолжалось , лице его вспыхнуло , онъ быспро опошелъ ошъ кресла , на кошорое опирался , и невольню коснулся своей щекой щеки сидѣвшей передъ нимъ дамы. Я шошчасъ замѣшилъ , что его краска опсвѣшилась на ея личикѣ. . . И ничего не могло бышь прелесниѣе сихъ двухъ головокъ , оживленныхъ одинаковымъ румянцемъ.

Когда прошло изумленіе слушателей , разговоры возоб-

новились съ новымъ жаромъ; пропивники наши не знали что сказать послѣ такихъ доказательствъ, и пошли сужденія, поясненія и рассказы о случаяхъ, въ которыхъ каждый видѣлъ конецъ свой. Одинъ, въ Булонскомъ лѣсу, палъ за мертво отъ шпажнаго удара, и утверждалъ, что холодъ желѣза произвелъ не непріятное ощущение. Другому пуля попала въ грудь и онъ не помнилъ ни малѣйшей боли; прешій при паденіи разшибъ себѣ черепъ и ничего болѣе не помнилъ; о горячкахъ съ пашнами, гнилыхъ, нервическихъ нечего и упоминашь.

Однимъ словомъ, говоря, говоря, наконецъ рѣшили всѣ единогласно, что смерть не есть спрдааніе, что смерть за преступленіе не есть наказаніе опъ общесшва, но предохранительное средство для его спокойствія.

Вдругъ, съ широкихъ кресель, поднялся толстый аббашъ, приблизился къ разговаривавшимъ, спалъ у камина, и ушвердился на ногахъ. . Онъ принадлежалъ къ числу шѣхъ, копорыхъ изгнала революція и былъ извѣстенъ какъ человекъ умный и рассудительный, — всѣ обратились къ нему съ вниманіемъ.

— Клянусь Святымъ Антоніемъ, закричалъ онъ, — разсужденія ваши превосходны! Но господа, — еслибъ вамъ случилось шакъ какъ мнѣ, умирашь отъ несваренія желудка, вы заговорили бы о смерти съ бóльшимъ почтеніемъ!

Г л а в л а 2.

Б о л ь н и ц а.

La peste! Vous êtes bien honnête seigneur,

(*Shakespeare.*)

C'est cela!

(*H. Lafond.*)

И все напрасно — я не могъ развеселить себя . . . Всѣ эти эпизоды въ моей любимой наукѣ только что все ниже, ниже сбрасывали меня, и съ каждымъ днемъ увеличивалось во мнѣ, какое то странное желаніе изчерпавъ весь ужасъ, наконецъ узнать, кто изъ насъ кого пересилилъ. . . Я уже зналъ, что ужасъ мой шамъ, гдѣ

Ганріета. . . И я ее еще разъ повстрѣчалъ однажды, это ничтожное, въроломное существо, эту бездну эгоизма и слабостей, это созданіе, въ которомъ совсемъ небыло нравственнаго чловѣка, это что-то живое къ чему я привязался, и за чѣмъ слѣдовалъ на пути жизненномъ. Сказашь ли гдѣ я ее нашель? Смѣю ли сказашь гдѣ я ее нашель? Но это необходимо. Въ міръ пересозданномъ нами, это бѣдственное мѣсто стало существовующею, нужнѣйшею надобностію. Туда является женщина разряженная, и часто выходить ошшуда споль же наряд-

ною; но тѣсное пространство, въ которомъ ее заключающъ, но воздухъ, которымъ она дышетъ, но страшныя мученія, тамъ испытанныя, но стыдъ и нищета, все въ этомъ ужасномъ мѣстѣ гремитъ проклятіемъ, столь же страшнымъ, какъ то, которое ожидаетъ преслупника послѣ его смерти.

Въ началѣ улицъ Св. Іакова есть древній монастырь, унылый, заброшенный, . . . Грязный, опшрапительный свѣчной заводъ прислоненъ къ нему съ лѣвой стороны; съ права бѣдная мѣлочная торговка устроила себѣ ла-

чугу, передъ дверями ея гуляешь высокая коза, изсохшая, дряхлая. — Входишь въ монастырь, . . . нѣтъ сожалѣнія, или учаспія въ приращникахъ; нѣтъ сосраданія въ лѣкарѣ; нѣтъ довѣренности въ больныхъ. Тамъ нравы, холодъ, эгоизмъ городка опустошеннаго чумою, но что всего хуже, шамъ, больной стыдится своей боли, и не смѣетъ говорить о своихъ мученіяхъ. Въ пѣхъ спѣнахъ, голодъ, страхъ, неукрошимыя спраши, безпокойства вѣчно возвращающія, боль являющаяся во всѣхъ видахъ, подъ всякими названіями омерзенія и ужаса;

шамъ воздухъ зараженъ , вода насыщена ядомъ. Я видѣлъ въ эшѣхъ спѣнахъ молодыхъ людей , блѣдныхъ , изнуренныхъ , зеленыхъ , одурѣлыхъ , сдѣлавшихся жалкими жертвами развращенной спрасши ; и рядомъ съ ними опцевъ семействъ , въ шраурѣ по женѣ и дѣтяхъ , — далѣе , спарцы , сохраненные искусствомъ какъ рѣдкости : глядя на все это , я ужасался. Я хотѣлъ уже выйти , но мнѣ сказали что шумъ есть и женская половина , и я пошелъ туда.

Входя по лѣсницѣ , мнѣ повстрѣчались кормилицы , зараженные вскармливаемыми

ими дѣшми, и копорыхъ онѣ еще держали у своихъ изсохшихъ грудей, съ видомъ болѣе жалкимъ, чѣмъ сердцшымъ; мнѣ повспрѣчались бѣдныя деревенскія дѣвушки,.. онѣ плакали, и не понимая ни своей болѣзни, ни насмѣшливой улыбки шѣхъ, копорые ихъ вспрѣчали, закрывались своими передниками. У дверей, жершва мужа, молодая женщина, стояла неподвижно, какъ спашуя Ніобы, въ ожиданіи посшели подлѣ какой нибудь мерзавки. Я вошелъ въ обширнѣйшую залу: тамъ хохотали во все горло, играли въ разныя игры; иная наряжалась въ шершяное

одѣяло, другая въ спальный шлафрокъ, самыя молодинькія, полунагія, спорили другъ съ другомъ о своихъ лѣшахъ; другія спрашно ругались, или распѣвали пьяныя, развращенныя пѣсни. . . Сколько мужчины были блѣдны и спрашны, шолько же, большая часшь эшѣхъ женщинъ были еще свѣжи и бѣлы! Несчастныя женщины! Еще и шумъ безпечно веселыя! Еще и шумъ споль бодрыя, что могушь смѣяться! Сколько счаспія брошеннаго на вѣшеръ! сколько погибшихъ ожиданій! Вдругъ — все зашихло, онѣ оправились, и всѣ пошли къ ихъ медику.

Онъ ожидалъ ихъ у кровати, назначенной для операцій. Эта кровать спойшъ въ маленькой, низенькой комнатѣ, освѣщаемой только однимъ окномъ, выходящимъ на задній дворъ; спѣны комнаты почернѣли, и кто нибудь изъ больныхъ нацарапалъ на спѣнахъ нѣсколько срамныхъ фигуръ. На кровати, посланъ проспой соломенный шюфякъ, прикрышой чернымъ холстомъ; подлъ, Хирургическіе инструменшы, жаровня съ горячими угольями; кругомъ, шарухи изъ сосѣднихъ домовъ, приобрѣвшія своими услугами право шупъ присудшвовашъ;

на единственномъ стулѣ сидѣлъ хирургъ, и разговаривалъ о акприсахъ и журналахъ съ своими учениками. Я былъ посреди ихъ, и сквозь опворенныя двери, разсматривалъ женщинъ, копорыя завернувшись въ шлафроки, ждали своей череды, точно съ такимъ же нешерпѣніемъ, какъ входа въ шеапръ.

Въ числѣ ихъ я нашель нѣсколько прелеспнѣйшихъ головокъ: дѣтскихъ головокъ, благородныхъ, выразительныхъ, съ полуоткрытыми рошиками, и легкою улыбкою; величественныхъ головъ, имѣвшихъ брови дугою, выразительные взоры,

черные волосы; смотря на эту беспорядочную толпу разнообразныхъ красокъ, можно было подумать, что передъ вами цѣлый Сераль, пошребованный ночью къ Сулшану; что всѣ эсть красавицы, прибѣжали на босую ногу къ дверямъ Сулшанской спальни, и съ почтительнымъ молчаніемъ, ждущъ его повѣленій и плашка.

Вдругъ раздался одинъ голосъ: произнесли одно имя! И изъ середины толпы, разсупившейся передъ нею — явилась она! Тотъ же высокомѣрный видъ, та же гордая улыбка, и столь же прекрасна какъ и прежде. Она

бросилась на кровать, такъ не принужденно какъ на Ванврской лужокъ; общее молчаніе; операшоръ началъ дѣйствовать — и когда боль испоргала изъ нее сноны — ей опшвѣчали бранью и ругашельспвами. . . . А я, волнуемый ужасомъ и соспра-ніемъ, любовію и опшвращеніемъ — я разсмашривалъ несчастную, дивился присудшвію ея духа, удивлялся красопшъ ея. Я говорилъ про себя, что она сосшавила бы блаженшво Короля и унизила до послѣдней крайности! . . . Когда хирургъ окончилъ свою операцію: пошла вонь! закричалъ онъ ей гру-

бымъ голосомъ ; пошла, мерзавка и непопадайся мнѣ впередъ ! Она вспала, блѣдная, изнуренная и шапаясь, вышла изъ комнашы. Началась новая операція, — и я опомнился !

Г Л А В А 3.

*В о з в р а щ е н і е.**Vraiment !*

Наконецъ! я вышла изъ бѣдшвеннаго мѣста и сѣлъ въ свой деревенской кабриолешъ ; онъ не красивъ , но проршорень. Еще не сказавъ проводнику своему куда ѣхашъ , примѣшилъ я двѣ женскія фигуры , которыя , стоя посреди улицы , не знали по видимому , какъ имъ обойти вѣчную грязь , сливающуюся около прощуаровъ. „Гопье! сказалъ я проводнику своему, сшанъ позади и одолжи мнѣ.

своей плащъ и шляпу. Миготомъ переодѣвшись, я поскакалъ къ женщинамъ, какъ настоящій извозчикъ. Подѣзжаю — и узнаю въ одной Ганриешу, въ другой шу молодую женщину, которая поразила меня своею безмолвною горестію. Вылечившись вмѣстѣ, онѣ должны были оставишь больницу, пошому что ихъ пошчасъ же выпалкали вонъ, не смолря на шо, что онѣ были едва одѣшы, дрожали опъ холода и не знали, одна, гдѣ найдши присшанище, другая, какъ ей показашься дома.

„Не угодно ли проѣхашь? сказалъ я, имъ; Ганриеша,

въ шу же минушу прыгнула въ кабріолешъ и съла.

— Я несмѣю, сударь, опвѣчала мнѣ другая женщина; мужъ мой живешъ очень далеко, и едва ли заплашишь вамъ!“ Говоря это, она кое какъ кушалась въ черной плашокъ, уцѣлѣвшій отъ больницы, — и съла на прошурный сполбикъ. Она была обуша въ шаринькїя шуфли и пошоки грязи лились въ нихъ со всѣхъ споронъ.

— Садшесь, сударыня, опвѣчалъ я ей, вы заплашите когда нибудь, и я сълъ между ими. Въ шу минушу, цѣлая шолпа женщинъ вышла

изъ больницы : множество мужчинъ подозрительной наружности двинулись къ нимъ на встрѣчу ; въ сосѣднемъ кабакѣ раздавались радостныя крики , извозничьи кареты наполнялись , и шухъ же видно было нѣсколько оштрафованныхъ спарухъ , пришедшихъ за своими бѣдными дѣвочками , кошорыя не улашили имъ еще издержанныя на нихъ деньги.

— Куда же прикажете ѣхать сударыня? спросилъ я у молодой женщины. —

Она была въ шакомъ волненіи , что едва могла понять меня. Квартира ея была у Басшиліи. Мы поѣхали и

печаль ея увеличивалась по мѣрѣ приближенія къ ея дому. Я эшо замѣшилъ и побѣхаль шагомъ. „Что съ вами дѣлаешся, и ошъ чего вы шакъ дрожише ?

— Ахъ , Боже мой ! сказала она — какъ вспрѣшилъ меня мужъ мой ? Какъ забудешъ все зло , кошорое онъ мнѣ сдѣлалъ ? Говоря эшо, она совсемъ изнемогала и на лицѣ ея, изображалось сшраданіе горести и голода. — Мы подѣхали къ крыльцу. Въ шовремя Ганріеша, проникнушая холодомъ и изнуренная ошъ болѣзни, лежала завернувъ свою голову въ ворощникъ моей шинели ; молодая

женщина также непрогалась съ мѣсца. „Не прикажете ли, сударыня, проводишь васъ къ вашему мужу? сказалъ я ей, и она поблагодарила меня взглядомъ, полнымъ признашельности. Приподнявъ голову Ганріешы со всею оспороженностію, я хошѣлъ вспасть; свѣжій воздухъ, коснувшись ея головы, засшавиль ея ошкрышь глаза, она произнесла нѣсколько словъ и слабый спонь; молодая женщина спояла уже у дверей; не говоря ни слова, она сняла съ себя плашокъ, согрѣвавшій ея плеча, я накинулъ его на погруженную въ дремошу Ганріешу. . .

Несчастливая женщина съ большимъ трудомъ всходила на лѣстницу : все въ домѣ было тихо, опрятно, холодно, правильно, какъ въ домѣ капиталиста ; во второмъ этажѣ мы остановились и постучали въ дверь. Войдите ! раздался голосъ. — Молодая женщина была блѣдна какъ смерть, грудь ея высоко поднималась. Я вошелъ первый. Насъ встрѣшилъ человекъ, кругомъ котораго разсавлены были поршѣли и кипы бумагъ. Онъ подошелъ къ женѣ съ такимъ видомъ, какъ будто только вчера расшлся съ нею ; ни одного

ласковаго слова, ни одной привѣшной улыбки. . . . а поцѣлуй его испугаль меня, пошому что у эшого человека были красные глаза, рѣдкіе волоса и все лице усѣяно угрями!

— Ахъ! несчастная женщина! вскричалъ я, подойдя къ ней, что съ побою здѣсь будешь? ты погибнешь! . . . Лучше, гораздо лучше памъ, ошкуда ты возвратилась. — Мужъ лукаво улыбался и продолжалъ рышья въ своихъ бумагахъ.

Молодая женщина заплакала, и пошомъ взглянула на меня; казалось она хошѣла

скажешь: я знаю свою участь; через годъ прїѣзжай опяшь за мною шуда же.

Я вышелъ; лихорадочная дрожь схватила меня когда я сходилъ съ лѣсшницы и я ударился головою о что то: опомнившись, я узналъ, что ударъ пришелся въ голову моей лошади.

Г л а в а 4.

Ю л і я С. * * *

Courage)
(Caton).

Куда же прикажете вести васъ? спросилъ я Ганриэту. . Она молчала, смопрѣла на меня съ изумленіемъ, какъ будто не понимая что ей надобно куда нибудь ѣхать; несчастная, въ самомъ дѣлѣ, не имѣла приспанища. . . До всступленія въ больницу, у ней была роскошная кваршира, раззолоченный будуаръ, всѣ прихоши нѣги, и экипажъ, въ копоромъ она, начиная съ полдня, разѣжала

по моднымъ магазинамъ, набирала кучи нарядовъ, и блистала въ нихъ вечеромъ.

Но ее выгнали изъ ея убѣжища, — уже другая попирала ея великолѣпные ковры и покоилась на ея роскошной постель, и шайншвенной кушеткѣ — уже другая, хозяйничали за ея вкуснымъ столомъ; уже другая владела и ея драгоценными мебелями, сладостраспными картинами, блестящими алмазами, и богатымъ экипажемъ.... Теперь — куда она дѣнешся? Кто захочетъ признать ее, больную и въ рубищѣ? и она проходила въ памяти всю жизнь свою, чшобъ при-

помнишь, гдѣ бы ей приспашь; я шерпѣливо ждалъ: эша борьба новаго рода, занимала меня; мнѣ очень хошѣлось узнать, гдѣ можешь приюпишься молоденькая дѣвушка, вышедшая изъ больницы.

Между шѣмъ она припоминала себѣ всѣхъ молодыхъ людей, копорые нѣкогда окружали ее и увѣряли въ любви своей; но ни одно изъ эшихъ увѣреній, не было для нее удовлетворительно, и она, не рѣшалась ими воспользоваться въ теперешнемъ ея положеніи. У нее было много пріятельницъ, но она ни съ одной не имѣла испиной дружбы, и къ шомужъ, судь-

ба такихъ женщинъ такъ невѣрна . . Пошомъ, она спала припоминашь, что еще въ больницѣ говорили ей объ одной шайнспвенной покровишельницѣ и убѣжищѣ въ ея домѣ . . . но послѣ всѣхъ усилій, она могла вспомнишь одно прозваніе и не знала адреса . . . Такъ она была безпечна и увѣрена въ своемъ счасшіи!

Запвердивъ эшо имя, я поскакалъ на бульваръ, пошому что незная куда ѣхашь, я усшремился въ самую богашую и разврашную часть города. Къ счасшію, на половинѣ дороги, я повспрѣчалъ нѣсколько молодыхъ Гвардейскихъ сол-

дашь, гуляющихъ съ дѣвками, огромнаго роста, преошвра- шительной наружности, но высокоомѣрными, какъ Принцессы. — Послушайте, госпо- да! закричалъ я солдатамъ, сдѣлайте милость, скажите мнѣ, не знаешь ли кто изъ васъ, гдѣ живешь дѣвица Юлія С. * * * Эпошь вопросъ ихъ запруднилъ; хошя имя Юліи и очень было знакомо имъ, но ни одинъ не зналъ ея кварши- ры., Спросите Агапу! ска- залъ наконецъ капраль, рас- правя усы свои; еслижъ она не знаешь — адресуйшесь къ моему ропному командиру: онъ, съ завязанными глаза- ми, приведешъ васъ къ Юліѣ.

Между шѣмъ опсшавшая Агаша приближалась къ намъ — шихо, величественно, какъ прилично барынѣ, у кошорой ешь шляпка, перчашки и шаль. Я почпшительно поклонился ей. — Не можете ли вы, сударыня, сказашь мнѣ гдѣ живешъ дѣвица Юлія С. * * Г. Капраль увѣряешъ, что вы съ нею знакомы! — Съ нею знакома? я? Что за мудросшь? отвѣчала Агаша... Я ее и знаю, и могу знанъ сколько мнѣ угодно. . . “Говоря это, она съ гордостію озиралась. — И шакъ, сударыня, нельзя ли вамъ сказашь мнѣ, гдѣ живешъ она? — Да за кого вы меня прини-

маеше ? вскричала Агаша, сверкая глазами.

— Ну полно же Агаша ! полно ! сказалъ Капраль, шы дѣвка добрая, за чѣмъ же огорчашь молодаго челоуѣка ? Докажи ему, что мы бываемъ въ хорошемъ кругу, и знаемся, не съ одними дѣвченками ! — Дѣвки закусили губы, а Агаша, скорчивъ улыбающееся лице, просянула указательный палець, у кошораго ногошь, длинный, грязный, пробился сквозь перчашку, и сказала : — „Спупайше прямо, пошомъ, доѣхавши до конца алеи, повернише на право, и слѣдуйше до Палерояля. . Ошсюда,

въ прешьемъ переулкѣ на-
 лѣво, найдете домъ Юліи!“
 Слушая ее, Капраль съ пор-
 жесшвующимъ лицомъ погля-
 дывалъ на свою подругу,
 солдашы съ гордосшію смош-
 рѣли на своего Капрала, а я
 гордился шѣмъ, что ошыс-
 каль такой домъ, кошораго
 вѣрно нѣшь въ адресной кни-
 гѣ. . . И вошь какъ всякій гор-
 дишся по своему! Я погналь
 лошадь, между шѣмъ всма-
 шривался въ лице Ганріешы,
 и спарался посшигнушь ея
 спокойшвіе и увѣренность:
 я понималъ, что она гошова
 погрузишься въ бездну поро-
 ковъ, — и я же спремилъ ее
 шуда, и я, спеченіемъ слу-

чаевъ, былъ ея пушепроводитель
къ развращу, и я, слѣпое
орудіе ея бѣдственней судь-
бы... я знавалъ ея непорочною,
невинною! Я шрепешалъ, во-
ображая, что везу ея въ
послѣдее пристанище погиб-
шей женщины... Не трудно
было узнать жилище Юліи,
по полураспвореннымъ две-
рямъ, разбишымъ стекламъ,
и двусмысленной улыбкѣ про-
хожихъ. Мы вошли по ше-
мной и грязной лѣсшницѣ:
спаруха, въ праурѣ, Богъ
знаешь по комъ, встрѣшила
насъ, и ввела въ обширный
покой. Хотя былъ день, но
эша комната освѣщалась лам-
пою: ея печальный свѣтъ

уныло боролся съ лучемъ осенняго солнца, кошорый проникаль сквозь маленькое ошверспіе въ спавнѣ. Такъ приказано было опъ полиціи — для сохраненія чистоты нравовъ. Кругомъ спола сидѣли при женщины — пріяпельницы хозяйки: двѣ добросовѣспныя, соспрадапельныя мапери семейспвѣ, — претья хозяйка, и она первая обрапилась къ Ганріешѣ. Я опошелъ въ уголь и не пророниль ни слова изъ ихъ разговора.

— Вамъ угодно приспашь у насъ? спросила хозяйка. Въ шо же время, двѣ ея по-

други , съ вниманіемъ разсмашривали принимаемую.

— Точно шакъ, сударыня, сказала Ганріета, и замолчала. Подруги хозяйкины продолжали осмошръ , кошорому подверглись и шанъ , и руки , и плеча , и спрадальческoe болъзненное личико.

— Она очень недурна, сказала младшая : изъ нее можно сдѣлашь чшо нибудь — однако , не безъ шруда ! Во первыхъ, она слишкомъ худощава и блѣдна ; во вшорыхъ, въ одной рубашкѣ , волоса неубраны , пальцы спрашно длинны , — по всему видно , чшо она изъ больницы , мо-

гу даже сказать изъ какой именно. .

— Чшо намъ до шого, прервала другая, . . . вамъ извѣстно, милая, чшо шамъ бываюшъ и очень чеспныя дѣвицы. . . Впрочемъ — какъ бышь! впередъ наука!“ Сказавши эшо, она обратилась къ Ганріешъ съ вопросомъ: помнишся, мы не были еще знакомы съ вами моя милая?

— Точно шакъ, сударыня. . . я еще въ первый разъ. . .

— Тѣмъ хуже, сказала хозяйка — у васъ, я думаю шолько и на умъ, чшо роскошь, независимосшь, а здѣсь онъ не у мѣша; Впрочемъ —

что было, то было, а намъ надобно шеперь подумашь о ней... и обращаясь къ подругамъ: чтожь мы изъ нее сдѣлаемъ?

— По моему мнѣнію, сказала одна изъ нихъ, на первый случай, одѣнемъ ее попросше: черный передникъ, чепчикъ, — оно и не дорого и нравится господамъ, кошорымъ наскучило великолѣпіе.

— О нѣтъ! отвѣчала другая — эшо слишкомъ обыкновенно — пусть она будетъ чиновницей! Шелковое плашье, плюшевая шляпка, черныя перчашки, раздушимъ ее мюскомъ, и амбро, и вы

увидите, что ось нее сойдушь съ ума всѣ студены и мѣлочные купцы.

— Оно шакъ, сказала первая, но эпи лавочники скупы; студены буяншъ, и къ помужъ, дѣвица еще слишкомъ молода, чшобъ ей бышь чиновницей. . . къ эшому можно прибѣгнушь, лѣнь черезъ пяшь, шесть. Гораздо лучше одѣшь ее по модѣ. . . и пускашь съ нею вмѣсто машери, нашу почшенную Филицашу.

— Нѣшъ! нѣшъ! сказала Юлія С.*** мнѣ надоѣли ужъ всѣ эшъ Принцессы: онѣ раззоряюшь насъ своими га-

зами и вуалями; у меня сердце поворачивается всякой разъ, когда возвращающся ко мнѣ ихъ прекрасныя плашья, запачканныя грязью. . . Всего лучше одѣшь ее крестьяночкой. . .

— При сихъ словахъ, я вспрепенулся — и рѣшился сдѣлать послѣднюю попышку, — испоргнушь несчастную изъ эшого вершеца. Да, да — шочно! вскричалъ я, пусть она одѣнешся въ шиковую юбку, въ проспую соломенную шляпку, на плеча легкой шерстяной плашокъ, пусть она преврашишься въ крестьянку, и я ее беру съ собою!

— Женщины боязливо
взглянули другъ на друга —
Мы не приневоливаемъ эту
дѣвицу, сказала мнѣ хозяйка,
и если ей хочется бархат-
наго плашья, — мы дадимъ
ей его нынѣшній же вечеръ!

Г л а в а 5.

С и л ь в і о.

— Appelle moi ton frère!
 (J. Odent; traduction, inédite de Schiller).

Я друженъ съ однимъ молодымъ человекомъ: его зовушь Сильвіо; онъ любезенъ, чистосердеченъ, хорошъ собою и спрасшенъ. Для него женщина — еспь все; онъ видишь въ нихъ нѣчто высшее человѣческой напуры; въ ихъ присудствіи, онъ едва дышешъ, но нѣмое удивленіе, безмолвное почпеніе не осчаспливили его, и онъ одинокъ на свѣшъ, не смош-

ря на молодость, богатство, храбросшь, и громкое имя, съ честию имъ поддерживаемое. И онъ одинокъ — и все ошь излишней скромности, все ошь того, что женщины вообще слишкомъ заняшы собою, слишкомъ влюблены въ самихъ себя и немогущъ разгадашъ мужчину; довольствуюшся и тѣмъ, что понимающъ его, но и шупъ надобно, чшобъ онъ самъ выказался, чшобъ онъ павлинился передъ ними, и блисшаль наружнымъ блескомъ. На это не ршшался Сильвио; когда жъ я пышался разочаровашъ его, онъ не вѣрилъ

словамъ моимъ , и не знаю самъ почему ; ошгадалъ чшо я влюбленъ. И онъ смѣялся надъ моею шаинсшвенною спрасшію, счишалъ мои вздохи , шолковалъ мои невязныя рѣчи , мое разсѣяніе , мой безумный хохощъ , и приводилъ въ шрепещъ — когда бросалъ на меня соспрадашельные взоры — Онъ зашелъ ко мнѣ, именно на другой день, послѣ моего свиданія съ Ганріэшой , . . . То же спокойсшвіе , кошорое неразлучно съ нимъ , и во время сильной его спрасши , изображалось на лицѣ его. Ему вообразилось , чшо на вче-

рашнемъ балъ, какая-шо дама пожала ему руку, и онъ разсказаль мнѣ о своемъ счасшіи.

— Поздравляю съ успѣхомъ! сказаль я ему вздохнувъ.

— Съ успѣхомъ? тогда какъ ты на моемъ мѣстѣ былъ бы уже счаспливъ!

— Увѣряю, себя бѣдняжка, что я съ моей спороны точно успѣлъ, и болѣе нежели хошѣлось мнѣ. — И ты, самъ ты, вспрыгнешь ошъ радости, если я ошкрою тебѣ, что и ты можешь бышь совершенно счаспливымъ..

Сильвіо, съ изумленіемъ глядѣль на меня, и его кипучее воображеніе сосшавляло

уже изъ словъ моихъ, сказанныхъ наудачу, цѣлый любовный романъ.

Я высыпалъ въ это время на мраморный сполникъ деньги изъ моего просшинькаго, зеленаго, но для меня драгоценнаго кошелька, и забавлялся, опдѣляя золото ошь серебра, и пересчитывая мѣлкую монешу. Сильвіо все еще мечшаль.

Я грубо прервалъ его мечшанія. Знаешь ли Сильвіо, чего спѳишь женщина? вскричалъ я, смѣшавъ въ одну кучу всѣ мои деньги. Сильвіо молчалъ.

— Знаешь ли ты, Сильвіо, чего спѳишь женщина,

продолжалъ я; и при томъ женщина прекрасная, созданіе идеальное, какой не вообразалось тебѣ и въ мечтахъ, дѣвушка свѣжая и непорочная, съ годъ назадъ тому, безпечно гулявшая по долину Ванвра, не забошась ни о чѣмъ, кромѣ своей соломенной шляпки? Знаешь ли во что оцѣнила себя эта счастливая поселанка, копорая не посстыдила бы Испанскаго Гранда, копорою я плѣнился съ перваго взгляда? Знаешь ли за сколько ты, я и всякой, можешь владѣть ею?

Сильвіо пререпеталъ, слушая меня. — Та, копорую

ты любишь, чего стоишь? сказалъ онъ мнѣ.

Я взялъ золотую монету. . . Вошь за сколько, мой добрый Сильвио, ты — молодой, красивый и робкій мужчина можешь имѣть ее. . . . Вошь во что она оцѣняетъ себя, смѣясь надъ своею простотою.

Послѣ этого, я отсчиталъ серебромъ половинное количество той же монеты. . . И вошь цѣна ей, опъ всѣхъ прочихъ.

Но солдашь, или какой-нибудь старый скряга, да дуть ей не болѣе вошь чего! и я толкнулъ пальцемъ пяпи франковую монету. Сказавъ

эшо, я успыдился самага се-
бя, и впаль вь изнеможеніе.

Сь минушу продолжалось
молчаніе ; не знаю, что оно
значило : упрекъ, или сомнѣ-
ніе со стороны Сильвіо.

Наконецъ онъ вспаль,
подошелъ ко мнѣ, и взявъ
золотую монешу, рѣшено!
сказаль онъ мнѣ — гдѣ она? —
Я ее покупаю.

— Ты, Сильвіо?

— Да! я, я покупаю!
Впрочемъ, вѣдь всякой имѣешь
право бытъ швоимъ сопер-
никомъ? Послѣ эшого онъ
приблизился ко мнѣ и, смяг-
чивъ голосъ, сказалъ: мнѣ
хочется узнать шу, которая
внушила тебѣ спрасшь, мнѣ

хочешся перескажашь шебѣ какое блаженство, и спокойствіе въ объятіяхъ этой женщины; и если ты одинъ не смѣешь купить ее, я ее покупаю за тебя, щолько будь самъ при продажѣ, прибавиль онъ.

— Безъ сомнѣнія — буду — мы пойдѣмъ вмѣстѣ, Сильвіо; ѣдемъ! и я вышелъ изъ комнаты, ужасаясь мысли, что можно владѣшь созданіемъ столь превосходнымъ, за такую ничтожную цѣну.

Между тѣмъ мы приблизились къ ея жилищу и, по мѣрѣ приближенія къ нему, я говорилъ Сильвіо: невоз-

можно Сильвію, чшобъ она
оспавалось въ эшомъ ужас-
номъ домѣ, надобно изпор-
гнушь ее ошшуда во чшобы
шо неспало; надобно купишь
ее всю, для шого, чшобъ она
не продавалась по мѣлочи. . .

— Товаръ испорченый —
ошвѣчалъ мнѣ Сильвію.

При входѣ въ переулокъ,
мы увидѣли, что передъ
знакомымъ мнѣ домомъ тол-
пишся множесшво народа,
солдашы и полицейскій Офи-
церъ; Сильвію былъ съ нимъ
знакомъ, и онъ позволилъ
намъ войдши съ нимъ вмѣспѣ
въ это бѣдспвенное жилище.
Тамъ былъ совершенный без-
порядокъ; женщины блѣдныя,

распрепаныя ; жалкіе ихъ пріятели , не знали куда дѣвались ; скромники , прославившіеся спрогимъ поведеніемъ , были въ опчаяніи , а на улицѣ толпа народа , неперпѣливо ожидающаго вѣсти о преступленіи и преступникѣ. Извѣстно было только то, что въ этомъ домѣ, ночью, совершено смершубійство ; передавали другъ другу, множество странныхъ подробностей. Всѣ ужасались, одинъ я , ощущалъ какую-то адскую радость , когда узналъ имя преступницы; наконецъ, она уже не принадлежитъ публикѣ ; наконецъ она отдѣлена отъ міра: вмѣ-

спѣ съ комиссаромъ я вошелъ въ ея комнату. При первомъ шагѣ въ оную мы поражены были несперпимымъ запахомъ; плащья, шляпки, вуали, башмаки разбросаны были по полу, вездѣ соръ, грязь, и за занавѣсомъ шрупъ и кровь. Она сидѣла въ уголку и завязывала въ узелокъ вещи, съ которыми собиралась идти въ шюрму. Разные лоскушки, фальшивые волоса, горшечки съ румянами, и другія принадлежности мѣлкаго туалета; между тѣмъ вошелъ другой полицейскій офицеръ: ей заковали руки, и когда все

было гошово, она вышла къ народу, сѣла въ фіакръ и ѣхала медлѣнно, сопровождаемая ругашельспвами и общимъ крикомъ.

— Радуйся Сильвіо! сказалъ я ему; она погибла!

— Чего споишь она шеперь? сказалъ Сильвіо.

— Теперь, не лзя ее имѣшь ни за всѣ сокровища свѣша, и я благодарю за шо небо!

— Черезъ это пресшупленіе она сдѣлалась непришшупнѣ чѣмъ сама добродѣшель: крайности сходящся, мой другъ!

Она на ищиномъ пуши,
я могу бышь свободнымъ
и гордымъ ; могу любить ее
шеперь съ большею увѣрен-
носпію, чѣмъ ты свою жену
двадцашь чешыре часа послѣ
свадьбы.

И я весь предался моей
ужасной радости !

Г л а в а 6.

*Судопроизводство.**Condamné à la peine de mort.**(Code pénal, art 304)*

En la place de Grève où se font les supplices,
 Etre décapitée, et ce, sur l'échafaud,
 Pour cet effet dressé dans la forme qu'il faut.

(La Maréchale d'Ancre, acte V.)

Съ этого дня Ганриеша принадлежала мнѣ, мнѣ одному, покуда она перешла къ палачу. Изъ всѣхъ ея обожаемыхъ оспался только одинъ я; для нее погубилъ я жизнь свою, пусть же оспанусь при ней, до той минушы, въ которую покроешь ее могильный камень. — Пресшупле-

ніе ея было доказано, она сама призналась въ немъ. Увидя первоначальную причину ея пресшупленій, шото, кошорый соблазнилъ ее и, разврашивъ, бросилъ ее попомъ въ больницу; она немогла владѣшь собою, она убила его; она его убила пошому, что въ одинъ мигъ представились ей всѣ преперпѣнныя ею оскорбленія, пошому что, какой-шо спрашный свѣшь озарилъ ея учасшь во всей ея нагошѣ, пошому, что съ эшимъ человекомъ соединялись ея горкія послѣднія воспоминанія о невинности; она убила его спящаго, убила однимъ ударомъ,

какъ бы по вдохновенію; послѣ
шого она снова заснула, гнѣвъ
ея былъ минувшій гнѣвъ ;
спрасши ея были мимо-
лѣшныя спраши — въ ней
все замерло : сердце , душа ,
разсудокъ, добродѣтель, спра-
сши. И однакожь ей не хо-
шѣли вѣришь и она была бы
спасена, еслибъ не безчестное
ремесло ея. Кто осмѣлился
защищать ее ?

Г л а в а 7.

Т ю р ь м а.

Des pleurs et des grincemens de dents.
(*Evangile*).

Услыжавъ приговоръ , я подумалъ , что нашель наконецъ рѣшеніе искомой задачи ; еще немного бодрости и конецъ ужасамъ ; я твердо рѣшился досмотрѣть окончаніе драмы , видѣть очищеніе жизни , столь бѣдсшвенно упошребленной ; жершва была занимашельна шолько для одного меня во всемъ свѣшѣ ; мнѣ хошѣлось еще взглянушь на нее , и

Сильвію, познакомясь съ шюремнымъ приспавомъ , ввелъ меня въ шу обширную шемницу , гдѣ самыя счастливейшіе жильцы, приговаривающія на галеры. Тушъ слышалъ я споны и радостныя крики , проклятія и молишвы ; я видѣлъ бѣшенство и слезы; но все это очень мало заняло меня ; въ моихъ мысляхъ была одна женщина , шолько она одна , мнѣ хошѣлось опыскашь ея шемницу , и я ее опыскалъ : она была въ глубокой ямѣ , въ углу запусшѣлаго двора ; у опдушиныны споялъ полу-согнившій прилавокъ , обросшій мохомъ. — Сидя на

эпой скамейкѣ, я могъ, не будучи примѣченъ, смошрѣшь сквозь ошдушину въ шемницу Ганріешы. Я помню эшу скамью какъ домъ родительскій; не забуду ее, если проживу и тысячу лѣтъ. Я лежалъ на ней по цѣлымъ днямъ. Дворъ, окруженный крѣпкими стѣнами, сдѣлался моимъ владѣніемъ; посредствомъ проекціи я сдѣлался какъ бы сверхъ шпашнымъ шюремщикомъ и могъ ежедневно слѣдишь малѣйшія движенія моей узницы.

Какое горешное заняшіе! Видѣшь безпрешанно сырыя стѣны, унылый полусвѣтъ, и полусогнившую солому, и на

этой соломѣ молодую женщи-
ну , приговоренную къ смер-
пи. . . Не знаю что удерживало мое испугленіе, смо-
тря на эту жалоснную кар-
шину. По утру я смотрѣлъ
на ея пробужденіе ; первый
лучь солнца, ударявшій пря-
мо на ея посшель, пробуждалъ
ее : быспро и съ испугомъ
открывала она глаза свои ;
потомъ она приподнималась
и сидѣла въ задумчивости ;
позднѣе она привспавала на
ноги, сгребала солому, подно-
сила ко рпу кружку съ пишь-
емъ , потомъ начинала уби-
раться, разчесывашь свои
длинные черные волосы, спа-
раясь какъ можно долѣе про-

длѣшь эшо важное заняшіе , пошому что оно сосшавляло для нее все; и когда все приходило къ концу , когда не-осшавалось ни булавки , ни леншочки , руки ея опускались во всю ихъ длину , и казалось, она ни о чемъ уже не думала.

Попомъ, входилъ къ ней шюремщикъ и приносилъ чер-ный хлѣбъ и чашку съ супомъ, въ кошоромъ плескалась оловянная ложка. Узница спшановилась на колѣни предъ чашкою и , наклонясь надъ нею , обоняла благошворный паръ кушанья; попомъ, держа чашку въ обѣихъ рукахъ, она выпивала все однимъ разомъ,

какъ будшо вознаграждая себя за долгошерпѣніе. Вечеромъ принималась она за свой черный хлѣбъ и съ медлѣнностію ѣла его, поглядывая въ ошдушинѹ; шамъ уже съ четырёхъ часовъ шемнѣло, и ей предшавлялось какъ продолжипельна будешъ эша наступающая ночь; погрузясь въ шягоспное омершвѣніе, съ слезами на глазахъ и, не имѣя силъ глошашъ, она роняла изо рша на сырую землю ошшашки своего хлѣба.

Въ одно жаркое утро, когда широкая паушина, заспилавшая своды, блешѣла радужными цвѣшами и веселый паукъ перебѣгалъ по всѣмъ

направленіямъ своей работы, умножая до безконечности ниши и связи свои, молодая узница сшала пѣшь. Сначала очень тихо, пошомъ громче, наконецъ во весь голосъ : она пѣла какую-то просшую пѣсенку, но придавала ей неизъяснимое выраженіе, а я, лежа на своей скамьѣ, я шрепешалъ, слушая ея пѣніе : то была улыбка юноши, смертельно раненаго, и падающаго съ надеждою всшашъ и опомсшишь за себя черезъ минушу.

Иногда она была очень весела, громко хохотала; пошомъ шерла что то лоскушкомъ сѣраго изорваннаго шер-

сшнянаго одѣяла, и шерла съ усиліемъ и необыкновенною скоросшію. Иногда по чепверши часа продолжала она свое заняшіе, не размашривая успѣховъ ошъ шренія; иногда же безпресшанно глядѣла на шошъ мепаллическій кусочикъ, кошорый хошѣлось ей вышлифовашъ и счиспипъ съ него ржавчину. . . но успѣхъ несошвѣшспвовалъ ея усиліямъ; она выходила изъ себя ошъ нешерпѣнія, усшалосши, шо ски, и снова принималась за работу; вдругъ однажды она радосшно вскрикнула: въ рукахъ у нее была мѣдная пуговица, и ее шо она все шерла и полировала для шого,

чтобъ глядѣшься въ нее какъ въ зеркало.

Она была очень довольна въ первую минушу: она шакъ давно не видала себя! Но не долго продолжалась эша радость. . . Она не узнавала себя, шо было не ея лице, не ея блестящіе глаза, не ея бѣлизна, не ея розовыя губы — не она! Черезъ минушу она опяшь посмопрѣлась въ пуговицу: она разсудила, что шакое зеркало не можешъ бышь вѣрно, что оно предспавляешъ всякое лице продолговашымъ, желшымъ и она вспомнила время красоты своей, улыбалась. . .

Въ одну изъ такихъ ми-
нушъ вошелъ ея шюремщикъ.

Г л а в а 8.

Т ю р е м щ и к ъ.

Or est advenu d'aventure

Ung cas (mais ce n'est que nature)

Elle a esté grosse de faict . . .

(Mystère)

Человѣкъ, полько не знаю
можно ли его назвапъ чело-
вѣкомъ. Онъ родился въ шюр-
мѣ, отецъ его былъ поже
шюремщикъ. Сосланная на
галеры женщина зачала его
подъ палками, и несмотря
на шо, эшо уродливое созда-

ніе родилось въ свое время и съ формами довольно похожими на человѣческія, для того, чтобъ бышь шюремщикомъ. Гнусное созданіе, особливо когда онъ смѣялся. Я видѣлъ какъ онъ ошкрывался ей въ любви своей: прежде всего, онъ чинно устлавился у дверей, успрямилъ на несчастную свои перекошенные глаза, распахнулъ широкую паспъ, въ которой едва видѣлись ошпрые и черные зубы спарой лисицы, началъ говорить непоняшнымъ языкомъ, и заключилъ рѣчь свою знакомъ, выражавшимъ, что черезъ двѣ недѣли ей ошрубяпть голову;

онъ умѣлъ объяснить эпо-
ужасно выразишельно; ушвер-
дившись на ногахъ, онъ за-
несъ свою шяжелую руку за
голову, наклонился и уда-
рилъ себя по шевъ: въ груди
его опдался звукъ, сходный
съ звукомъ упавшаго ножа...
Послѣ этаго онъ поднйалъ
свою голову, съ прежнею ад-
скою улыбкою.

Узница смопрѣла на не-
го безумными глазами. Онъ
подошелъ къ ней, взялъ ее
за руку и долго говорилъ
ей о томъ, что ее можно
спасши; я не могъ разслу-
шашъ словъ его, но казалось
она соглашалась на все; я
подмѣшилъ ея ушвердишель-

ный знакъ : они условились ; тогда онъ хотѣлъ было обнять ее, но она съ ужасомъ отшснула отъ него, и онъ ушелъ, все съ пою же спрашною улыбкою, с пенографированною на его звѣрскомъ лицѣ.

Увы ! чпобъ видѣшь все эшо, надбно было призвать все свое мужество. Въ самой шюрмѣ ! на смершномъ одрѣ ! ея шюремщикъ ! и еще какой шюремщикъ ! Я обезумѣлъ ! обезумѣлъ отъ бѣдсшвїа, опчаянїа, изумленїа, бѣшенства ! Я воображалъ, что совсѣмъ уже прекрапился эшошъ продолжительный разврашъ, а онъ снова начинаеш-

ся! Но когда? въ копорый день? въ копоромъ часу? можешь быть въ сію мину? и я задыхался сидя на своей скамьѣ, и успрямлялъ изо всѣхъ силъ глаза мои въ шемницу. Въ эшотъ день, и съпою же улыбкою, пришелъ шюрешикъ. Увидя его, Ганриеша забила въ уголокъ шемницы; онъ принесъ сверхъ обыкновенной порціи, связку свѣжей соломы, копорую и разошлалъ на сшарой; попомъ прехладнокровно ушелъ, даже и не взглянулъ на узницу. Я слышалъ звукъ запираемыхъ замковъ; я вздохнулъ свободно: благодареніе Богу, сего дня ничего небудешь!

Но послѣ этаго минушнаго спокойствія, новое безпокойство овладѣло мною. Можешь бышь пюремщикъ меня замѣшилъ? можешь бышь, онъ придетъ къ ней завтра, нынѣшнемъ же вечеромъ? Наспутила ночь, и вдругъ, сквозь широкую замочную скважину, мнѣ показалось, и я дѣйствительно увидѣлъ слабый лучъ свѣта, что по фосфорное, подобное лепучимъ огонькамъ, обманывающимъ по вечерамъ путешественниковъ, слабый свѣтъ свѣпящагося червячка, закрытаго листкомъ розы. Тихо отворились двери, слабый свѣтъ распространился въ шемницѣ, и пюремщикъ медленно вошелъ, дер-

жа въ одной рукѣ связку ключей, а въ другой ночникъ; и вдругъ освѣшилась постеля, свѣжая солома, и лежащая, но не спящая Ганріеша! Она ждала! Поспавя на землю ночникъ, пюремщикъ съ увѣренностію подошелъ; я хотѣлъ вскрикнуть и не могъ; хотѣлъ бѣжать, ноги мои онѣмѣли; хотѣлъ ошворошить голову, она не двигалась, она была успремлена шуда, привязана, прикована непреодолимою силою; я умираю, какъ вдругъ, къ счастью моему, ночникъ попухаетъ; все исчезло; я ничего уже не видалъ! ничего не слышалъ, ничего не воображалъ!

По прошествіи пятнадцати дней послѣ эшаго, я разгадалъ тайну: Ганриета была очень беспокойна, задумчива, съ какимъ то гореспнымъ любопыствомъ смопрѣла вокругъ себя; когдажь ей пришли объявить смерпный приговоръ, она хладнокровно выслушала, сказала одно слово, и черезъ нѣсколько минушь вошли къ ней два чловѣка въ черномъ плашьѣ, два докшора; одинъ старикъ, суровый, съ лицомъ заборливымъ, угрюмымъ; другой, молодой, смѣющійся, въпреный; онъ ловко и нѣжно испышалъ пульсъ осужденной, а поварищъ его едва до

нее допронулся, и показывая
 шакой ужась, какого вѣрно
 не ощущалъ, сказалъ обращясь
 къ присавамъ : эша женщи-
 на совсѣмъ не беременна, да
 исполнися приговоръ! и хо-
 пѣлъ выдши. Солдапы уже
 схватили Ганріешу, когда
 молодой Медикъ, остановя
 спарика, закричалъ: эша жен-
 щина беременна; она мать;
 законъ, человѣчество, все про-
 шившися ея смерти! и началъ
 говоритъ съ шакимъ жаромъ,
 шакъ убѣдительно, что съ
 нимъ согласились, и исполне-
 ніе приговора было отсро-
 чено.

Г л а в а 9.

П о ц ѣ л у й.

Oui, oui, baise Thomas.
(*M. Diafoirus*).

Съ того времени какъ ее перемѣстили изъ темницы въ спокойную комнату, съ тѣхъ поръ какъ я уже не могъ ее видѣть — я оставилъ мою добровольную шюрьму, и спалъ живъ попрежнему. Чшобъ разсѣяться, я вовсе предался своему любимому занятію: наблюденіямъ надъ мѣлочами домашней жизни, подсматривая, такъ сказать, просшонародную нашуру, и

открывая въ ней тысячи невинныхъ пайнсплвъ , черезъ чуръ проспыхъ для ученыхъ наблюдашелей , но споль обильныхъ впечатлѣнїями !

Возвращилась весна , и съ нею мои уединенныя прогулки. Однажды шель я мимо обширнаго двора , заваленаго спроевымъ лѣсомъ ; песины складены были въ совершенномъ порядкѣ , у забора и въ концѣ двора , благоухаль лилѣями малинькой садикъ. На кровлѣ , выспроена была красивая голубяшня , покрывшая красной черепицею , — и на чистомъ приполкѣ , прогуливался красивый голубокъ ; вездѣ замѣш-

на была такая опрятность, столько вкуса, приличія, что я невольно вошелъ полюбоваться веселымъ домикомъ. По выходѣ изъ него, я заглянулъ въ нижнее жилье, и увидалъ тамъ, среди обширной комнаты, большую неизвѣстную мнѣ машину. Она состояла изъ дубоваго подмостка, загороженнаго съ двухъ сторонъ низинькою рѣшеткою; къ задній части приспавлена была лѣстница, а спереди грозно возвышались два широкіе бруса. Въ серединѣ каждого было по выемкѣ, къ самому низу подмостковъ вдругъ оканчивался подвижною доскою, по среди кошорой

было вырѣзано круглое оп-
верспіе; по всему видно было,
что работа приходила къ
концу; молодой человекъ,
красивый, веселый, дюжій,
изо всѣхъ силъ сколачивалъ
доски, и прибивалъ ихъ гвоз-
дями; на послѣдній ступени
лѣспницы, стояла бушылка
съ спаканомъ; время опъ вре-
мени, молодой человекъ при-
нимался за пишье, послѣ че-
го, продолжалъ свою работу,
напѣвая веселую пѣсенку.

Эта неизвѣстная машина
меня превозжила. . эти брусья
возвышающіеся до пошолка,
это что то похожее на под-
вижной театръ, и это широ-
кое опверспіе, какъ будто для

суфлера, все это вмѣстѣ, казалось мнѣ споль необычайнымъ, что я терялся въ предположеніяхъ и догадкахъ. Я споялъ безмолвно, и невольно содрогался при каждомъ ударѣ молота, когда подошелъ къ работнику мальчикъ съ бичевками. Плошникъ обласкалъ его, взялъ бичевки, почти не посмотри на нихъ, заплашилъ что слѣдуетъ, и оппустилъ мальчика, громко поцѣловавъ его и напоивъ виномъ, споявшимъ на лѣспницѣ. Оставшись одинъ, онъ снова принялся за работу; попомъ, спалъ ходишь назадъ и впередъ, почти не сводя глазъ съ дверей; онъ ожидалъ

кого то ; того , кто вѣчно приходишь очень поздно , уходилъ очень рано , кого благодаряшь за опнятой у насъ день , съ кѣмъ часы лепяшь быспрѣ мысли. Наконецъ эша кто то явилось. То была свѣжая, молоденькая дѣвушка , проспосердечная и любопытная. Поздоровывавшись съ своимъ любезнымъ , она, такъ какъ и я, занялась машиною. Я ни слова неслыхалъ изъ ихъ разговора , но онъ вѣрно былъ занимателенъ и живъ. Наконецъ , молодой человекъ принялъ на себя серьезный видъ , и какъ будто приглашалъ дѣвушку сыграть что нибудь на эшомъ

театръ ; сначала она не соглашалась ; пошомъ была въ нерѣшимости , наконецъ согласилась : тогда ея любезный женихъ съ важнымъ , торжественнымъ лицомъ , связалъ ей руки на спину ; помогъ взойти ей на подмостки , и когда она вошла туда , онъ привязалъ ее къ подвижной доскѣ , такимъ образомъ что одинъ конецъ этой доски упирался ей въ грудь , а другой конецъ былъ подъ ея ногами ; я начиналъ понимать , я боялся понять , какъ вдругъ доска опустилась между брусевъ ; однимъ скачкомъ молодой плотникъ соскочилъ на полъ , охватилъ обѣими руками шею

своей любезной , и пользуясь выгодами своего положения , подклонилъ свою голову подъ ея наклоненную головку и поцѣловалъ ее. Напрасно хохѣла она защищаться , ей невозможно было пошевелишься : она непреодолимо была привязана къ доскѣ: и только при вшоромъ поцѣлуѣ, данномъ молодымъ человекомъ своей любовницѣ, я совершенно понялъ, для чего именно упошребляешся эша машина.

Г л а в а 10.

*Послѣдній день приговореннаго
къ смерти.*

Nil sub sole novi:
(*Proverbe*).

Легкій ударъ въ плечо отвлекъ меня отъ спрашнаго зрѣлица; я обернулся съ такимъ испугомъ, какъ будто ожидалъ, что позади меня стоишь топъ, для кого работалъ плотникъ. . . но я увидѣлъ тихое и печальное лице Сильвіо. Посмотри, мой другъ! сказалъ я Сильвіо, съ улыбкою безумнаго, посмотри на эту машину и юношескія

рѣзвости; можно ли предполо-
 гать, что на такихъ гладкихъ
 дощечкахъ, можно ощущать
 спраданія? Что касается до
 меня, я тому не вѣрю; и
 чшобъ убѣдишь Сильвію, я
 спаль рассказывать ему при-
 ключенія повѣшенанаго. Сильвію,
 слушая меня, продолжалъ
 идти въ поле, и когда мы
 довольно опошли опъ кра-
 сиваго домика, онъ сказалъ
 мнѣ:

Мой несчастный другъ!
 не всегда такъ бываешь какъ
 ты рассказываешь; говоря
 это, онъ вытащилъ изъ кар-
 мана одинъ изъ шѣхъ огром-
 ныхъ Американскихъ журна-
 ловъ, копорые такъ изумля-

юшь насъ и числомъ своимъ и занимательностію. Видя, что я приготовился слушать его, онъ прочелъ мнѣ слѣдующую исторію послѣднихъ ощущеній человѣка, приговореннаго къ смерти: позднѣе узналъ я, что мой чтець не желая меня слишкомъ разпревожись, пропустилъ описаніе послѣдняго свиданія преступника съ Софіей, молодой дѣвушкой, которую онъ страстно любилъ.

„Въ четыре часа по полудни, ушла отъ меня Елизавета: послѣ ея ухода, мнѣ показалось, что я окончилъ всѣ расчесы мои съ здѣшнимъ свѣтомъ. Я желалъ пог-

да, шупъ же и умереть въ шу же минушу: я исполниль послѣднее дѣло въ своей жизни, и дѣло самое гореспное. Но, съ приближеніемъ сумерекъ, шемница моя спановилась сырѣе и холонднѣе; вечеръ былъ мрачный и шуманный; хопя и насшупиль уже Генварь, но мнѣ не дали ни огня, ни свѣчи, ни шакаго одѣяла, подѣ кошорымъ я могъ бы согрѣшья; и мои силы видимо изшошались; и сердце мое, упало подавленное нищешою, и опущеніемъ окружавшими меня; и мало по малу (ибо все что пишу шеперь ешь истина) мысли о Елизавешѣ, о шомъ, что

съ нею спанешся , начали исчезать передъ ощущеніемъ собственнаго моего положенія. Еще въ первый разъ , не знаю по какой причинѣ , разсудокъ мой постигъ въ полной мѣрѣ , приговоръ , копорой исполнися надо мною чрезъ нѣсколько часовъ ; и размышляя о немъ , я запрепешаль , какъ будто до эшаго я еще не зналъ навѣрное , что я долженъ умереть .

„Я ничего не ѣлъ въ продолженіе сутокъ , хоша у меня и была пища , присланая мнѣ однимъ благодѣтелемъ ; но я не могъ опшѣдать ее , — когдажь глядѣль на нее , странныя мысли приходили мнѣ

въ голову. Эта пища, думалъ я, слишкомъ хороша: шакой не даюшь узникамъ; она прислала ко мнѣ попому шолько, что я долженъ умереть завпра. И я подумалъ о скотинѣ, о птицахъ, ошкармливаемыхъ для убоя. Я почувствовалъ, что мысли мои не шаковы, какъ бы должны онѣ бышь, въ подобную минушу; мнѣ показалось, что я сумозбродствую. Какое шоглухое жужжаніе, подобное жужжанію пчель, раздавалось въ усахъ моихъ, какъ ни спарался я ошь шого избавишься; и не смопря на глухую ночь, блестящія искры сверкали передъ глазами моими;

и я не могъ ничего припомнить себѣ. Пышался чашапы молишвы, но изъ нихъ сохранились въ памяти моей кой какія слова, и шѣ казались мнѣ Богохульствомъ.

— Не знаю что произносила я: и самъ себѣ не могу опдапы въ шомъ опчеша. Вдругъ, представилось мнѣ, что мой спрахъ и напрасень и бесполезень, и что я шупъ совсѣмъ не для смерти. И я вдругъ вскочилъ, бросился къ тюремной рѣшешкѣ и ухватился за нее съ такихъ напряженіемъ, что качнулъ ее; я ощущалъ въ себѣ львиную силу. И я водилъ руками повсѣмъ частямъ замка и упирал-

ся плечомъ въ двери, хотя и зналъ, что она окована желѣзомъ, и тяжелѣе церковныхъ дверей, и я шарилъ по стѣнамъ и по всѣмъ угламъ моей пюрьмы, хотя и зналъ твердо, что она сложена изъ полспыхъ камней, и что если я проползу сквозь скважину не болѣе иглиныхъ ушей, и тогда не спасу себя. Въ продолженіе этихъ усилій, я такъ ослабъ, какъ оправленный ядомъ, и едва, едва могъ допѣщиться до мѣстечка, занимаемаго моею кровашью. Я упалъ на нее, и кажется обмеръ. Но не надолго, потому что голова моя кружилась, и казалось мнѣ, что и комната

кружился вмѣстѣ со мною. И мнѣ мечталось, въ просонкахъ, что уже полночь, и что Елизавета, по обѣщанію своему, пришла ко мнѣ, но ее не хотѣяшъ впустишь. Мнѣ казалось, что снѣгъ валишь клочьями и покрылъ всѣ улицы какъ будто бѣлою просшынею, и я вижу ее мершвую, лежащую наснѣгу, при самомъ входѣ въ шемницу. Опомнившись, я бился, не переводя дыханія. Черезъ минушу, или черезъ двѣ, часы на церквѣ пробили десяшь: и я узналъ, что я все это видѣлъ во снѣ.

„Тюремный священникъ, пришелъ ко мнѣ, хотѣя я его и не призывалъ. Онъ

началь торжественную рѣчь о томъ, чтобъ я не думалъ о суедахъ міра сего, обратилъ всѣ помышленія свои къ жизни будущей, старался бы примирить душу свою съ небомъ, и надѣялся что грѣхи мои, хопя и тяжкіе, будутъ мнѣ опущены, если я принесу чистое покаяніе. Когда онъ вышелъ, я съ минушу былъ покоенъ. Снова усѣлся на своей постелѣ, и принуждалъ себя чистосердечно побесѣдовать съ самимъ собою и приготоовишься къ своей участи. Я всячески напоминалъ себѣ, что мнѣ остается жить только нѣсколько часовъ, что для меня

нѣтъ уже никакой надежды въ сей жизни, что надобно по крайней мѣрѣ, умереть съ честью, какъ прилично мужчинѣ. Тупѣ спарался я припомнить все слышанное мною о смерти повѣшанныхъ — что такая смерть есть помление минувшее, что она не мучительна, во все не мучительна — что она прекращаетъ жизнь въ одинъ мигъ. — Послѣ этого, представилось мнѣ множество спранныхъ мыслей, и малу по малу, я опять спалъ перяшья. Я схватилъ себя за горло, сжалъ его крѣпко, желая этимъ способомъ испытать ощущенія удавленника. Потомъ, я ощупалъ свои

руки въ шѣхъ мѣспахъ, на которыхъ будешь завязана веревка; я чувствовалъ какъ она шмыгаетъ, покуда не связали ее крѣпко; я чувствовалъ, что мои руки связаны вмѣстѣ; но всего ужаснѣе казалось мнѣ ощущеніе бѣлаго колпака, опущеннаго на мои глаза и лице. Еслибъ только освободиться мнѣ опъ эшаго! все прочее ничего. . Мечтая такъ, я поспешенно охолодѣлъ. Слѣдствіемъ изступленія моего была тяжелая неподвижность, уменьшившая мои спраданія, хоша я все непереславалъ думать. На колокольнѣ пробила полночь. Я слышалъ звонъ, но онъ глухо приносился ко мнѣ,

какъ будто , изъ за нѣсколькихъ дверей , или изъ дальнаго разстоянія. Слабѣе и слабѣе предспавлялись мнѣ предметы, бродившіе въ моей памяти — пошомъ они исчезли со всѣмъ. Я заснулъ.

„Я проснулся за два часа до казни. Меня разбудиль ударъ въ двери моей пюрьмы: было семь часовъ утра. Нѣсколько секундъ прежде чѣмъ я совершенно очнулся, я слышаль спуюкошню , какъ будто во снѣ, и первое чувспвованіе мое , было неболѣе какъ ощущеніе неудовольствія челоуѣка, кошораго нечаянно разбудили. Я чувспвовалъ ушпалость и мнѣ жопѣлось спашь.

Черезъ минушу загремѣли наружныя задвижки моей шюрьмы; вошелъ спорожь съ ночникомъ, за нимъ пюремный надзирашель, и священникъ. Я приподнялъ голову, и вспрепенулся, какъ будто меня окашили холодною водою. Сонъ изчезъ: казалось я совсѣмъ не спалъ, казалось никогда не усну болѣе. Я чувспвовалъ свое положеніе.“ Р. . . „сказалъ мнѣ надзирашель, шикимъ, но швердымъ голосомъ, пора вставашь. Священникъ спросилъ какво я провель ночь, и предложилъ, помолиться вмѣстѣ съ нимъ. Я сидѣлъ на краю своей кровати, дрожалъ, и колѣна мои,

пряслись прошивъ воли моей. Еще не совсѣмъ было свѣпло; дверь шюрьмы была опворена, и я могъ видѣть сквозь нее мощный дворикъ : воздухъ былъ сяжелъ и мраченъ; на-крапывалъ небольшой, но ча-спый дождь. „Уже болѣе семи часовъ съ половиною. Р * * * сказалъ надзиратель. Я со-брался съ силами и просилъ, чшобъ меня оставили одного до послѣдней минушы. Мнѣ оставалось жить полчаса.“

„Когда выходилъ надзи-ратель, мнѣ хотѣлось ска-зашь ему кой что, но не имѣлъ силъ произнести ни одного слова : языкъ мой не-двигался ; я лишился способъ

носпи говоришь ; два раза усиливался я, и напрасно: ничего не могъ произнести. По уходѣ ихъ я все еще сидѣлъ на кровати: я оцѣпенѣлъ и опъ холода, и опъ сна, и опъ свѣжаго воздуха, проникнувшаго въ мою тюрьму ; и я, такъ сказаешь, весь скорчился, чпобъ согрѣшься, скреспилъ руки, наклонилъ голову, и дрожаль всѣми членами. Мое шѣло казалось мнѣ такою нестерпимою пягоспю, кошорою я не имѣлъ силъ ни поднятъ, ни пошевелишь. Между шѣмъ спановилось свѣплѣе и свѣшлѣе и я могъ видѣшь сырыя спѣны, и черный полъ моей шем-

ницы, и спрванное дѣло! я еще могъ занимашся таки-ми ничтожными вещами, за минушу до смерпи. Я замѣшилъ также, что ночникъ, оставленный спорожемъ на полу, горѣлъ слабо и шускло; и я сообразилъ даже въ эпу минушу, что свѣшильню непоправляли съ сааго вечера. И я всмапривался въ желѣзныя холодныя перекладины кровати своей, и въ огромныя шляпки гвоздей, вбишыхъ въ двери моей шемницы, и въ слова, нацарапаныя по спѣнамъ, прежними узниками. Я пощупалъ свой пульсъ; онъ былъ такъ слабъ, что едва, едва бился. Не смошря

на всѣ мои усилія, я не могъ принудить себя думать о томъ, что я скоро *умру*. Во время эпаго молчанія, зазвонили въ шюремной церквѣ, и я подумалъ: Господи! прости меня грѣшнаго!“ Вѣроятно прошло не болѣе трехъ четвершей часа послѣ семи! На часахъ пробило при четверти, пробило и четвертую, и наконецъ восемь часовъ.

„Они уже спояли въ моей шюрьмѣ, прежде нежели я ихъ примѣпилъ; я сидѣлъ все на томъ же мѣстѣ, и въ прежнемъ положеніи.“

„До сей минушы, воспоминанія мои очень подробны,

но послѣдующія не такъ ясны. Однако, я очень хорошо помню какъ я переходилъ изъ шемницы въ судейскую комнату. Два маленькіе сморщенные человѣчка, въ черномъ плащѣ поддерживали меня. Я знаю, что когда они вошли ко мнѣ съ надзирашелемъ, я хошѣлъ приподняшьяся, но не могъ.

„Въ судейской, я уже нашель двухъ несчастныхъ, которымъ назначалась одинакая участь со мною. Въ ожиданіи меня, они лежали на скамейкѣ, руки ихъ были связаны. Сухой спарикъ, имѣвшій рѣдкіе сѣдые волосы, что то

громко чипаль одному изъ нихъ; онъ подошелъ и ко мнѣ, и сказалъ что то. . . „чтобъ мы обнялись“ кажется; не помню хорошенько.

„Всего труднѣе для меня было держаться на ногахъ. Я ожидалъ, что въ эсть минушы овладѣеть мною бѣшенство и ужась, но я ничего подобнаго не ощущалъ; чувспвовалъ одну слабосшь, мнѣ казалось что у меня нѣшь сердца, и доска, на которой я спюю скользиль изъ подъ ногъ моихъ. Я только знаками, могъ объяснишь чтобъ сѣдой спарикъ опошелъ опъ меня: кшо то подошелъ, и опозвалъ ёго. Мнѣ

связали руки. Я слышалъ какъ офицеръ сказалъ въ полголоса священнику, что все гошово. Когда мы выходили, одинъ изъ людей въ черномъ плащѣ поднесъ къ губамъ моимъ стаканъ воды, но я не могъ пить.

„Мы пошли чрезъ длинныя мрачныя переходы, ведущіе къ эшафоту. Я видѣлъ, что ночники еще горѣли, попому что свѣтъ дневной не проникалъ сюда; я слышалъ звонъ, и важное чтеніе священника, который шелъ передъ нами.. Онъ оппѣвалъ насъ, читалъ намъ, живымъ, шѣ молишвы, кошорыя чи-

таюшъ надъ мертвецами въ гробахъ. Я еще разъ понялъ, что существую; и то была уже послѣдняя, ясная мысль о бышїи моемъ. Я ощутилъ внезапный переходъ, изъ подземныхъ душныхъ переходовъ, на открытую площадку и на ступени, ведущія на эшафотъ; и я увидѣлъ безчисленную толпу народа, которая чернѣлась подо мною на улицахъ; и множество зришелей, въ окнахъ окрестныхъ домовъ и лавокъ. Я увидѣлъ церковь Св. Сепюлькра въ отдаленїи, за желшовашымъ шуманомъ, и слышалъ звонъ съ ея колокольни. Помню облач-

ное небо , ненастное утро ; сырость на эшафотъ , огромную черную массу зданій , самую шюрьму , кошорая возвышалась подлѣ , и казалось бросала на насъ тѣнь свою ; свѣжій холодный вѣшеръ , кошорый охвашилъ меня когда я вышелъ изъ подземелья. Я все эшо вижу еще и теперь ; и эшафотъ , и дождь , толпу народа , кругомъ и на крышахъ , дымъ медленно извивающійся изъ шрубъ , шележки съ женщинами , глухой говоръ собравшейся толпы , когда мы появились. Никогда сполько предметовъ вмѣстѣ , шакъ ясно , шакъ число

не представлялись мнѣ, какъ въ пошъ одинъ мигъ; но онъ былъ крапокъ.

„Начиная съ этого мига, все что за нимъ послѣдовало, для меня не существуетъ. Молишвы священника, бѣдшвенная пѣпля, колпакъ, кошораго я шакъ ужасался, наконецъ казнь и смерть — я ничего не помню; и еслибъ я не былъ увѣренъ, что все это дѣйствительно было, я и не имѣлъ бы о томъ никакого понятія. Въ послѣдствіи, я читалъ въ *газетахъ*, подробности моей казни. Тамъ напечатано, что я не бился. Сколько я не усиливался

вспомнишь что нибудь объ этомъ, — все напрасно! Помню только, что я проснулся, какъ будто послѣ глубокаго сна. Я очутился въ комнатѣ, на постелѣ, подлѣ которой сидѣлъ человекъ: когда я открылъ глаза, онъ приспально смошрѣлъ на меня. Я совершенно оцувствовался, хотя и не могъ говорить связно. Мнѣ предсѣавилось, что меня проспили, и въ обморокъ сняли съ эшафота. Когдажъ я узналъ истину, мнѣ предсѣавилось, какъ будто сквозь сонъ, что я весь нагой, лежалъ въ какомъ то чудномъ мѣстѣ;

около меня лепало множество какихъ то фигуръ; но такая идея составилаь безъ сомнѣнiя послѣ того, какъ я узналъ, что со мною сдѣлалось.“

Вошъ что прочель мнѣ Сильвіо; эшошъ проспой, живой разказъ, сильно поразиль меня и на минушу заняль чисто литературными мыслями.

Г Л А В А 11.

Р о д и л ь н ы й д о м ь .

Les véritables ingénues ne sont pas communes
dans le monde.

(*Ch. Nodier. Dictionnaire*).

Мнѣ предспавилась мысль.
Я пересчиталъ мѣсяцы, пересчиталъ дни, пересчиталъ два раза, и добѣжалъ въ родильный домъ. Вечеромъ шуда не впускають, и я пришелъ поуспру. Эшошь домъ ешь убѣжище беременныхъ женщинъ, неимѣющихъ пріюта. Туда прибѣгають бѣдныя дѣвицы, сдѣлавшіяся

машерями , юныя супруги
игроковъ , женщины приго-
воренныя къ смерти. Какъ
однѣ , такъ и другія , нахо-
дяшь постель , дурную пи-
щу , прѣхъ-дневный опдыхъ
послѣ родовъ. Я просилъ ,
чшобъ меня провели къ пре-
ступницѣ; я ее увидѣлъ : она
сіяла шюю бѣлизною , копо-
рою вознаграждается юная
машъ , за всѣ прешерпѣнныя
спраданія; она сидѣла въ боль-
шихъ креслахъ , и опусія го-
лову , кормила своего ребенка.
Малюшка былъ голодень , и съ
восхищеніемъ сосалъ грудь
своей кормилицы. Ея грудь бы-
ла бѣла , ее опшѣняли голубыя

жилки; таковы должны быть груди хорошей кормилицы, молодой здоровой матери, способной кормить младенца. . . Это имя матери имѣетъ въ себѣ что то почтенное, — уважаемое даже въ этомъ домѣ. Женщина, которая своею грудью кормитъ своего ребенка, жизнь ребенка зависящая отъ ея жизни, внимательныя и нѣжныя заботы, только одной матери свойственныя; это маленькое сердечко, начинающееся биться подъ сердцемъ матери — все это, взятое вмѣстѣ, заставляетъ забывать преступленіе женщины, всѣ ея измѣны, всѣ ея слабости;

можно сказать, что любовь
ея къ своему младенцу, освобождаетъ ее отъ всѣхъ связей и жизнь, полученная отъ нее, замѣняетъ жизнь ею разрушенную. И такъ я вошелъ къ Ганриетѣ въ то самое утро, въ которое она должна была умереть. Ея спокойствіе, ея положеніе, ея слабость — и все, что я зналъ о ея жизни, и ея бѣдствіяхъ... Я попросилъ женщину, бывшую при ней, оставивъ насъ, однихъ, сказалъ, что я братъ осужденной, что хочу говорить съ нею наединѣ; ребенокъ между тѣмъ заснулъ у груди Ганриеты.

Я приблизился къ ней. — Узнаешели вы меня? сказалъ я ей. — Она взглянула на меня и кивнула головою, давая шѣмъ знашь, что она меня узнала: замѣшно было, что это признаніе было ей тягостно.

— Ганріета, сказалъ я ей, вы видите передъ собою чело-вѣка, копорый обожаль васъ, обожаешъ и шеперь; если имѣете что либо приказашъ, скажите мнѣ, и послѣдняя воля ваша, будешъ свято исполнена.

— Она ничего не отвѣчала мнѣ, но взоры ея были нѣжны. — Бѣдная, несчастная! еслибъ шы хошъ одинъ

только разъ взглянула на меня такъ прежде, ты былабы моя на всю жизнь, и я весь принадлежалъ бы тебѣ. — Ганриеша, сказалъ я ей, и такъ справедливо, что ты умрешь, умрешь будучи такъ молода и прекрасна; а ты моглабы быть моею женою, была бы счастливая мать, умерла бы спокойно, окруженная дѣтьми и внуками; еще нѣсколько часовъ, и тебя не будетъ!

Она все молчала; прижимала къ груди своего ребенка и плакала. Еще въ первый разъ видѣлъ я ея слезы: онѣ медленно капились, и орошали младенца.

— Покрайнѣй мѣръ, Ган-
ріета , эшо дия

Въ эту минушу двери
отворились. — Эшо дия мое,
сказаль мнѣ вошедшій чело-
вѣкъ ; я взглянулъ и узналъ
тюремщика : въ эшошь разъ
онъ былъ не шакъ отврати-
шелень какъ прежде. — Я при-
шелъ за моимъ сыномъ, сказаль
онъ, я нехочу, чшобъ онъ при-
надлежалъ кому либо другому;
можешъ бышь , со временемъ
я передамъ ему мое мѣсцо, —
не по — будешъ какъ я — въ-
шошникомъ: поди ко мнѣ Ген-
рихъ ! . и говоря эшо , онъ
вынулъ изъ карзины бѣлую
проспыню , и не взглянувъ

на машь , оспорожно взялъ ребенка; бѣдняжка въ то время спалъ; надобно было опорвать его ошь машерней груди ; машь не прекословила; ребенокъ завернушь въ проспынку, и уложенъ въ корзину: спарый вѣпошникъ былъ въ полномъ удовольствіи. — Пойдемъ, мой Генрихъ , сказалъ онъ , машь не безчеспить , и шебя не тронешъ Шарло.

Онъ ушелъ. Шарло ! при эпомъ словѣ, Ганріеша обрапила ко мнѣ глаза свои: — Шарло! повторила она задыхаясь, что онъ хошѣлъ сказашь, разтолкуйте мнѣ ?.... И говоря эшо, она пречепала.

— Увы! ошвѣчалъ я, между просшымъ народомъ, и въ шюрьмахъ, имя Шарло даешся исполнителю приговоровъ. . .

— Теперь я вспомнила, сказала она. Попомъ съ неизьяснимымъ выраженіемъ горести и раскаянія: о какъ я виновата! сказала она мнѣ; какія спрогія предсказанія даны были мнѣ опъ васъ! сколько поперянаго счаспія, сколько бѣдствій за то, что я не ошвѣчала вамъ; вѣдь я васъ слышала, продолжала она, вѣдь я васъ понимала, вѣдь я все помнила; я любила васъ шакъ же какъ и вы меня

любили; но я была унижена, и погибла съ того дня. Простите! простите меня! сказала она мнѣ, именемъ Шарло прошу васъ, простите меня! и она просянула ко мнѣ свои руки, и ея пылающая щека прикоснулась къ моей щекѣ: и это было въ первый и послѣдній разъ.

Вошли, и сказали мнѣ, что пора мнѣ выдти.

Г Л А В А 12.

П а л а т ь .

Ce grand poilu qui mest dessus la rouë
(P. L. Iacob.)

Я бѣжалъ, лепшѣль, — наконецъ я у дома, кошорый извѣспень цѣлому городу. Спучу въ дѣвери: вышель слуга, и удивиль меня своею ловкостію и привѣпливостію. Онъ ввель меня въ чистую, свѣшлую комнапу, и пошель доложить о мнѣ хозяину. . между шѣмъ, я осмошрѣль покой: все прелесшно ! яркіе ковры, широкая софа, и множешво

хорошенькихъ эстамповъ :
Дафнисъ и Хлоя , Велизарій ;
Амуръ на споловыхъ часахъ —
словомъ все , какъ въ комна-
тѣ молодого Полковника —
неменьѣ. На раскрытомъ фор-
тепiano , лежалъ Брюгьеровъ
романсъ , и женскія перчаш-
ки ; въ простѣнкѣ два порш-
рета. На одномъ , былъ изоб-
раженъ молодой человекъ при-
ятной наружности — на
другомъ , юная мать , улыбаю-
щаяся , смотря на новорож-
деннаго младенца. То были
портреты хозяина и его су-
пруги — я начиналъ думать,
что зашелъ не шуда куда
хотѣлъ.

Слуга возвратился, и про-
велъ меня въ кабинетъ :
шамъ все было у мѣста, и все
такъ порядочно: книги, брон-
за, глобусъ; передъ глобу-
сомъ стоялъ мальчикъ и про-
ходилъ съ дѣдушкою урокъ
изъ Географіи.

Меня встрѣшили чрезвы-
чайно учтиво, приглашали
сѣсть; я не зналъ какъ начать
разговоръ.

— Сего дня, мнѣ не очень
досужно — началъ хозяинъ,
посмотрѣвъ на часы; и такъ
позвольте узнать мнѣ, мило-
сшивыи государь, что до-
спавляешъ мнѣ удовольствіе
видѣть васъ у себя?

— Я пришелъ, сударь — просишь у васъ одной милоспи, — и вѣроятно вы мнѣ не откажете.

— Милоспи? у меня сударь? я почелъбы себя слишкомъ счастливымъ, еслибъ могъ исполнить ваше желаніе; но опъ меня просили милоспи многіе, и всѣ напрасно!.. Можно ли ожидать ее — опъ падающей скалы?

— Спало бышь вы очень несчастливы?

— Несчастливъ, какъ скала. Я руководствуюсь своимъ правомъ, однимъ законнымъ правомъ, которое признавалось во всѣ времена нашей эпохи.

— Вы справедливы — законность вашего права непоколебима.

— Именно. Начиная съ Канцлера Мопо, законность права моего, не колебалась ни на волосъ. Революція, Анархія, Имперія, Возснание, не коснулись права моего; оно осталось на своемъ мѣстѣ: не двинулось ни назадъ ни впередъ, ни на одну пядень. Народъ, Имперія, все, и всѣ испытывали, превращенія — я одинъ остался шѣмъ же, чѣмъ былъ всегда — Я, верховный исполнишель законовъ, я сильнѣе ихъ: законы, тысячу разъ перемѣнялись, а я не перемѣнился

ни разу — я не поколебимъ какъ судьба, . . . крѣпокъ какъ обязанность, — и сохранилъ среди сполькихъ перевороповъ — чистое сердце, и чистую совѣсть. . . . Однако, я еще разъ беру смѣлость напомнить вамъ, что мнѣ не время, а пошому позволѣть спросить васъ, что вамъ отъ меня угодно ?

— Я слыхаль ; ошвѣчалъ я ему, что преступникъ, пошупающій въ ваше распоряженіе, весь принадлежишь вамъ — я пришелъ просить васъ, уступить мнѣ одного.

— Вамъ конечно не безъизвѣстно, сударь, на какихъ

условіяхъ законы опідають
мнѣ преступниковъ ?

— Очень знаю — но
послѣ исполненія законнаго
приговора, при васъ все таки
оспаешся кое что: пуловище,
голова, — ихъ по, я желаю
купить у васъ, чего бы по
ни стоило.

— Если шакъ сударь —
мы въ одну минушу кончимъ
нашъ поргъ, но, (взглянувъ
на часы) — прежде всего
позвольте мнѣ дать нѣкто-
рыя необходимые приказанія.

Онъ позвонилъ — яви-
лись два человекъ. „Будше
гошovy черезъ часъ! сказалъ

онъ имъ ; одѣньшесь лучше — вамъ будетъ поручена женщина, слѣдственно надобно вести себя со всевозможною учтивостію.“ Послѣ этихъ словъ, служители удалились, — и вошли въ кабину : его жена и дочь, просишьясь съ нимъ. Дочь его, высокая, свѣжая женщине, съ улыбкою поцѣловалась съ нимъ, сказавъ до свиданія.

— Мы будемъ ждать тебя къ обѣду, сказала жена и приблизившись къ нему прибавила тихо : если у преступницы хорошіе черные волосы, возьми ихъ пожалуйста для меня.

Онъ оборопился ко мнѣ :
а волосы ? желаете ли вы
ихъ имѣть ? спросилъ онъ
меня.

— Все , все , отвѣчалъ
я — шуловище, голову, волоса,
все. . . Онъ обнялъ свою жену
и сказалъ : до другаго раза !

Г л а в а 13.

С а в а н зъ.

A quoi bon?
(Malebranche).

Въ то время какъ весь Парижъ собирался смопрѣшь казнь несчастной, я еще разъ пробѣжалъ мимо ея послѣдняго жилища, мимо больницы, мимо родильнаго дому, гдѣ ее уже небыло, мимо веселаго домика молодаго плошника: его небыло дома, ни его, ни его невѣсмы; они оба опправились смопрѣшь дѣйствіе машины. На дворѣ стояла еще шайка

съ красною краскою, которою выкрасили эшафопъ. У засшавы я нашель нищаго, представлявшаго героевъ; маленькой совояръ назваль меня снова Генераломъ. Въ засшаву възжалъ Мешпръ д'опель, онъ гордо посмашриваль изъ своей карешы, и я узналь въ немъ моего Ишальянца; я повспрѣчалъ почти всѣхъ героевъ моей повѣспи; жизнь ихъ не подвинулась ни на шагъ, прибавилась имъ по два года, вошь и все, а я изшоциль свою жизнь, я пошеряль послѣднія мечшы молодости. Послѣднею прогулкою назначиль я Кламаръ, куда должна была бышь моя упренняя покупка.

Было два часа, солнце кашилось медлѣнно, я шель подѣ шѣнію тополей, осѣняющихъ большую дорогу, и вдругъ увидѣлъ среди зеленой равнины, множество бѣлья, развѣшеннаго на веревкахъ привязанныхъ къ деревьямъ; нѣсколько прачекъ занимались своимъ дѣломъ, на берегу ближняго ручейка. Тутъ я вспомнилъ, что у меня нѣтъ савана; я рѣшился купить его, во что бы то ни стало. Я пошелъ на равнину, и подѣ спожкомъ сѣна, нашелъ свою маленькую Женни, кошорая какъ хозяйка, надсмапривала, и надѣ развѣшеннымъ бѣльемъ, и надѣ прач-

ками. Она была все также весела, и сверх того беременна уже восемь мѣсяцовъ.

— Вы что то очень не веселы, сказала она мнѣ послѣ обыкновеннаго привѣтствія.

— Вошь видѣшьли, Женни, а все ещо ошь того, что я себя искалъ; мнѣ сію же минушу надобно большое покрывало, чтобъ схоронить въ немъ одну умирающую дѣвицу.

— Умирающую! подхватила Женни; а можешъ бышь она и выздоровѣеть; я сама не разъ видала, что безнадежные воскресали, и живущъ, слава Богу!

— Но для нее Женни, нѣшь надежды! въ чешыре

часа — она умретъ навѣрно!
и шакъ, пошоропись, мнѣ нѣ-
когда, дай же мнѣ чѣмъ по-
крышь ее.

Женни повела меня къ
развѣшенному бѣлью, и пока-
зала мнѣ мое бѣлье. — Нѣшь
Женни! нѣшь! мнѣ надобно
что нибудь попонѣе; напри-
мѣръ женскую сорочку, ты
скажешь, что потеряла ее,
что ее украли у тебя; скажи
все что хочешь, только дай
мнѣ ее. .

Добрая Женни не заспави-
ла упрашивать себя въ дру-
гой разъ, показала мнѣ все
свое бѣлье, но я не находилъ
между имъ годнаго для Ган-
ріеши; мнѣ хотѣлось чтобъ

она, лишенная чести погребенія, лежала бы хопя въ чистомъ саванѣ. Женни слѣдовала за мною, не понимая чего я хочу.

Наконецъ, я отыскалъ прелестный саванъ, какой шолько можно вообразить.

На сучьяхъ миндальнаго дерева, въ полномъ его цвѣтѣ, развѣвалась сорочка самаго чистаго, понкаго башиша; подоль ея былъ прекрасно вышитъ: — вошь чего мнѣ надобно, сказалъ я Женни, вошь чего я искалъ, дай мнѣ ее, и я доволенъ.

Женни была въ нерѣшимости; но видя мой довольный видъ, согласилась; я бережно

свернулъ мой саванъ , и по-
шель. . . .

— „Поспой, еще не все,
сказаль я , возвращаясь къ
Женни; мнѣ еще надобно кое
что; поже саванъ, но помень-
ше гораздо ; родъ мышка. . .

— Такъ эшо вѣрно для
родильницы? сказала Женни.

— Я съ ужасомъ ощу-
пилъ опъ нее , воображая ,
что она знаешъ мою тайну.

— Для родильницы? Кто
эшо тебѣ сказаль Женни ?

— Конечно , продолжала
она , саванъ для мапери, са-
ванъ для ребенка; и взглянувъ
на себя, прибавила: эшо очень
жалкая смерть !

— Правда, милая Женни! очень жалкая смерть: не надобно бы убивать женщину, которая только что родила!

— Или по крайней мѣрѣ, сказала Женни, не надобно бы умирать ребенку.

Вмѣстѣ съ саваномъ, я свернулъ наволочку, принадлежащую мнѣ. . . и на кошорой я столько разъ засыпалъ совершеннымъ счастливцемъ.

Г л а в а 14.

К л а м а р ь.

Un de profundis ; s'il vous plait :
(*Le père La Chaise*).

Кламарь — такъ называешся кладбище, полоса земли, не освященной; шамъ никогда не служашь панихидъ, шамъ нѣшь цвѣшовъ на могилахъ, никогда кресъ не осѣняль эшаго мѣста опчаянiя; шамъ хороняшь казненныхъ преступниковъ : большая часъ могиль пусшы ; здѣсь похороненный въ чешыре часа, вырывается изъ могилы въ семь, и увозится въ Ана-

помической театръ. . . и о немъ ни кто не жалѣешь, никто не плачешь! Тамъ только одинъ гробокапашель : когда я пришелъ на кладбище , онъ приготавливалъ могилу. . я подошелъ къ нему.

— Ты не шоропишься молодець ! да и могила , что не слишкомъ глубока, мнѣ кажется.

— Какъ могу такъ и рабобаю , отвѣчалъ онъ мнѣ ; а могила, по моему мнѣнію , довольно глубока для мертвато, и онъ можешь пролежать пушь до скончанія міра не распространить заразы. У насъ вѣдь кладущся не чумные , а все весельчаки, ребяша здоро-

вые, вопшь какъ вы, и я, —
Во всемъ Парижѣ, шолько и
есшь одно здоровое кладбище:
здѣшнее.

— Кажешся ты доволенъ
своимъ мѣспомъ, и никому
ни завидуешъ, молодець?

— Незавидуешъ! Да я бы
пошелъ въ сверхъ комплекш-
ные могильщики на кладбище
Лашеза! вопшь шамъ шо и вы-
годно, и пріятно! Каждый
день и на водку получишь,
и на солдашь насмопришся!
А сколько горькихъ маперей,
вдовушекъ въ праурѣ! А какіе
монумены! Вопшь шамъ шо
жипье! и онъ ударилъ ла-
пашкою въ землю, а здѣсь —
продолжалъ онъ — ничего!

ни какой церемоніи! родные не ходяшь, цвѣшовъ не покупаюшь, полько и видишь палачевыхъ лакеевъ, и шѣ почти ничего не даюшь. Горькая доля! уже лучше бышь жандармомъ; или курьеромъ! и онъ упирался на свою лопашку, какъ честный земледѣлецъ, опдыхающій опъ своей работы.

— Мнѣ надобна глубокая могила, сказалъ я ему повелительнымъ голосомъ, въ три аршина глубиною, вырой шаковую, и я дамъ тебѣ на водку. —

— Три аршина! для казеннаго! что вы это? — да опкапывать его вечеромъ надобно будетъ цѣлый часъ.

— Три аршина! непременно! шѣло принадлежишь мнѣ.

— Слушаю, отвѣчалъ могильщикъ; однако уже поздененько, прибавиль онъ, посмотрѣвъ назадъ, — и они скоро пріѣдутъ.

И въ самомъ дѣлѣ, я увидѣлъ вдали повозку: кучеръ шелъ подлѣ нее пѣшкомъ, два человека, сложа руки сидѣли на козлахъ; посреди повозки что то краснѣлось, то былъ ящикъ съ шѣломъ.

Могильщикъ снявъ фуражку, пошелъ къ нимъ на встрѣчу. Подъѣхавши къ кладбищу, одинъ изъ сидящихъ вспаль, и начали снимать ящикъ: онъ былъ не столько тяжель

сколько громозгъ, и они уронили его къ ногамъ моимъ; на землю кануло нѣсколько капель крови; я смопрѣлъ на все это, какъ сквозь сонъ.

— Одинъ изъ служителей подошелъ ко мнѣ:

Кажется вы сударь изволили бытъ сего дня упромъ у нашего господина?

— Я; что тебѣ надобно?

— Такъ какъ вы изволили купить шѣло пресупницы, то господинъ мой и заключилъ, что вы ея родственникъ, и не захопите, чшобъ она умерла съ долгомъ, а пошому и поручилъ мнѣ, доставить вамъ эшотъ счѣщець.

Я взялъ счёпець, — счесть какъ счесть: точно такой же даюшь изъ модныхъ магазиновъ, на велсневой бумагъ, написанъ прекраснымъ почеркомъ; я долго чишалъ его, какъ человѣкъ, который хочеть плашить, но нехочеть чшобъ его обсчишывали.

Вошь вѣрная копія этого счеша.

	Фр.	Со.
За усшановку и снятіе Гильо- шины Карлу площнику.		50
За карету до Гревской пло- щади - - - - -		3
Точильщику почившему ножъ		2
За свѣчу для смазанія фаль- цовъ - - - - -		30
За отруби въ мѣшокъ - -		20
Господину за его право -	200	

	Фр.	Со.
Спаршему служителю - -	20	
За три небольшіе рюмочки, копорыя мы выпьемъ за усопшую - - - - -		30
Все шѣло - - - - -	60	
<hr/>		
И того - -	367	80

— И все шущъ? спросилъ я старшаго служителя.

— Все шущъ, сударь, опвѣчалъ онъ мнѣ; цѣна крайняя, и сверхъ всего, при васъ упѣшеніе, что покойница умерла не на счетъ правительсва.

Я съизнова прочиталъ счетъ, повѣрилъ его, узналъ какъ онъ не вѣренъ, но заплашилъ какъ будшо ничего не замѣшилъ.

Послѣ эшаго я открылъ красную корзину: изъ нее вынули бѣлую голову; волосы были осприжены шакъ гладко, какъ будто бришвою; рошъ безобразно скривился; конвульсїй были шакъ сильны, что челюсти разошлись, и рошикъ, нѣкогда споль прелестный, былъ сжашъ съ одной спороны и ужасно раздвинуть съ другой.

— Несчастлиная, какъ она спрадала!

— Нельзя сказать что бы очень много, опвѣчалъ мнѣ служитель; мы обраща-лись съ нею со всѣмъ должнымъ уваженіемъ; когда ее намъ опдали, мы посадили ее

и дали опдохнуть съ мину-
пу времени, попомъ на ру-
кахъ понесли ее въ карешу. .

— Вы ее несли? Чшожь
она?

— Она была очень, очень
хороша сударь! надзирашель
позволиль ей одѣшся какъ
ей угодно. На ней было шерс-
пяное плашье, по самыя пле-
ча; на шеѣ, креповая косыноч-
ка, у нее были безподобныя
плечики и шея!

— Да и ручки, преле-
стныя! прибавиль другой
служишель; я самъ ихъ завязы-
валь; ручки пухленькія, кру-
гленькія: да и вообще, вся она
была опличной красоты!

— И вы же безъ милосердія ее убили!

— Мы сдѣлали для нее все что могли, прервалъ первый служитель; мы ее поддерживали, заслонили собою ешафопъ, и она честно умерла!

— Передъ смертію, не спрашивала ли она кого нибудь?

— Никого не спрашивала, только все посматривала кругомъ себя, и будто искала знакомыхъ. .

— Точно такъ, продолжалъ другой; и когда увидѣла, что нѣтъ нѣхъ, кого желала видѣть, сказала тихо: Шарло! и шажко вздохнула!

а хозяинъ нашъ, и обернулся при имени Шарло: онъ подумалъ что его кличуть — я чуть, чуть не захохоталъ! Я прекратилъ разговоръ.

— Оставьте, оставьте меня, сказалъ я имъ; опдайте мнѣ пѣло — и спускайте домой.

Тѣло вынули изъ ящика. . . . все нагое!

Могильщикъ придвинулъ гробъ.

— Теперь я схожу выпить маленькую! сказалъ онъ мнѣ — и въ минушу возвращусь!

Я развернулъ саванъ, и завернулъ въ наволоку голову.

попомъ и шѣло. Сильвіо бывшій со мною, помогъ мнѣ; сорочка едва доставала до лодышекъ, плеча были закрыты совершенно; шеи оставалось довольно, для того, чтобъ завязать ворошь.

Старухи, и другія женщины изъ сосѣдства, нахлынули на кладбище и смотрѣли на насъ.

— Маши пресвятая Богородица! завизжала одна — не жалость ли закапывать въ землю такое дорогое бѣлье!

— И еще въ проклящую землю, прибавила другая.

— И у казненной, рубашка будешь лучше чѣмъ у Христіянки! продолжала прешья.

Между всѣми эпѣми женщинами, былъ только одинъ мужчина: жирный, блѣднолицый, имѣвшій мелодическій голосъ. Онъ стоялъ накраю могилы и сдѣлалъ жестокое замѣчаніе, когда я одѣлъ покойницу. Онъ началъ полковать женщинамъ, что сорочки безъ ворошниковъ несравненно удобнѣе при казни, чѣмъ наши мужскія; потомъ, замѣшивъ, крупныя слезы, капившіяся изъ гласъ моихъ: — сердечныя боли! сказалъ онъ; какъ глупы мужчины! я десять

лѣшъ находился при Пешро-
 павловской церкви въ Римѣ ,
 былъ пѣвчимъ при Флорентин-
 скомъ соборѣ ; видѣлъ всѣхъ
 Испальянскихъ , и Венеціян-
 скихъ красавиць , и ни разу
 не испыталъ безумной спра-
 схи , называемой любовью !

Женщины глядѣли на него
 съ презрѣніемъ , а я сожалѣлъ
 о немъ. То былъ Неапольскій
 сопрано.

Могильщикъ возврашил-
 ся въ полъяна ; шѣло поло-
 жили въ гробъ , — опустили
 въ могилу ; звукъ сыплющей-
 ся земли слабѣлъ . . .

На слѣдующее утро я ,
 возвратился на кладбище ;

могила уже несуществовала ; шло было украдено для Медицинской школы ; сосѣднія женщины взяли бѣлье для собственнаго употребленія.

Тогда я понялъ, что иначе и не могло быть : судьба несчастной **несовершенно** бы исполнилась.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Второй Части.

	Стран.
ГЛАВА 1. Коль - - - - -	3
ГЛАВА 2. Больница - - - - -	31
ГЛАВА 3. Возвращение - - - - -	43
ГЛАВА 4. Юлія С. * - - - - -	52
ГЛАВА 5. Сильвіо - - - - -	68
ГЛАВА 6. Судопроизводство	82
ГЛАВА 7. Тюрьма - - - - -	85
ГЛАВА 8. Тюремщикъ - - - - -	94
ГЛАВА 9. Поцѣлуй - - - - -	103
ГЛАВА 10. Послѣдній день при- говореннаго къ смерти - - - - -	111
ГЛАВА 11. Родильный домъ - - - - -	137
ГЛАВА 12. Палачъ - - - - -	147
ГЛАВА 13. Саванъ - - - - -	156
ГЛАВА 14. Клармаръ - - - - -	164

